

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

С. П. ТОЛСТОВ

ПРИАРАЛЬСКИЕ СКИФЫ И ХОРЕЗМ

(К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи)

По мере развертывания работ Хорезмской экспедиции, приступившей к ним в 1937 г. и продолжающей их до настоящего времени, постепенно расширялся и обогащался круг стоящих перед ней исследовательских проблем. Экспедиция, как известно, возникла в ответ на поставленную в середине 1930-х годов перед советскими историками Средней Азии крайне дискуссионную в то время проблему об общественном строе Средней Азии в период, предшествовавший арабскому завоеванию. Эта проблема была решена уже в первые годы работ экспедиции и получила свое освещение в наших книгах «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации», вышедших в свет в 1948 г.¹ Хотя наши выводы и были построены в основном на материале Хорезма, однако как проделанный нами в упомянутых книгах сравнительный анализ с привлечением в первую очередь материала других районов Средней Азии, так и плодотворные результаты других крупных экспедиций, работавших на территории Согдианы, Северной Бактрии, Ферганы, Северной Парфии и т. д.², позволили считать, что наши выводы имеют не только локальное, но и гораздо более широкое значение. Конференция по дореволюционной истории Средней Азии и Казахста-

¹ См. также С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, «Вестник древней истории» (ВДИ), 1938, № 4; его же, Древнехорезмийские памятники Каракалпакии, ВДИ, 1939, № 3; его же, Хорезмийский всадник, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (КСИИМК), 1939, I; его же, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1; его же, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1945 г., «Изв. АН СССР, Серия истории и философии» (ИАН СИФ), 1946, № 1; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., ИАН СИФ, 1947, № 2; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, и др.

² Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1938 гг., Труды АН УзбССР, История, археология, т. I, Ташкент, 1940; т. II, Ташкент, 1945; Труды Ин-та истории и археологии АН УзбССР, т. IV, Ташкент, 1951; В. А. Шишкин, Резная штукатурная декорация из развалин города Варахша, «Искусство», 1938, № 5, стр. 148—152; его же, Археологические работы 1937 года в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940; его же, Исследование городища Варахша и его окрестностей, КСИИМК, X, 1941, стр. 3—15; его же, Архитектурная декорация дворца бухар-худатов на городище Варахша, Труды отдела Востока Эрмитажа, т. IV, 1947, стр. 225—292; А. Н. Бернштам, Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет, ВДИ, 1947, № 3, стр. 81—92; Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, 1946—1947 гг. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 15, М.—Л., 1950, и др.

на, проведенная в 1954 г. в Ташкенте, могла, опираясь на эти выводы, констатировать, что Средняя Азия прошла через рабовладельческую стадию развития, хронологически охватывающую здесь период от VIII—VII вв. до н. э. до середины I тысячелетия н. э., когда в Средней Азии начинают складываться элементы феодального общества³.

В конце 1940-х годов перед нашей экспедицией встала новая проблема, получающая особенное значение в связи с широким развертыванием гидротехнического строительства в советских республиках Средней Азии; это вопросы, связанные с историей древней ирригации, и неразрывно связанная с ними проблема истории древних русел великих среднеазиатских рек. Эта проблема, являвшаяся в течение многих десятилетий крайне дискуссионной, также может считаться к настоящему времени решенной.

Истории древних дельт Аму-Дарьи — древнего Оксуса — посвящена недавно вышедшая в свет коллективная монография, составленная участниками нашей экспедиции и подводящая итоги больших работ, проведенных нами совместно с географами⁴. Сейчас ведутся аналогичные работы в области древней дельты Сыр-Дарьи, итогам которых в значительной мере посвящена эта статья.

Третьей проблемой, работать над которой наша экспедиция начала в первые послевоенные годы, но которая сейчас занимает все более центральное место в нашей деятельности, является проблема общественного строя и культурно-бытового уклада степных племен, окружающих со всех сторон древние центры античной и средневековой цивилизации Средней Азии, в частности Хорезмский оазис. Эта проблема была поставлена в качестве первоочередной перед всеми исследователями Средней Азии Ташкентской конференцией 1954 г. На этой конференции было подчеркнуто, что в то время как вопрос об общественном строе древних центров цивилизации можно считать уже решенным, вопрос об общественном строе степных племен в те же эпохи остается крайне дискуссионным; это находит свое отражение в весьма противоречивых мнениях, высказываемых разными авторами в специальных статьях и обобщающих трудах⁵. Результаты работы над этой проблемой представляют другой аспект настоящей статьи.

Обе эти, тесно связанные между собой проблемы сейчас, после январского пленума ЦК КПСС, на котором Н. С. Хрущев поднял со всей остротой вопрос о необходимости развития ирригационного земледелия на юге нашей страны и особенно в Средней Азии, приобретают значительный практический интерес. На очереди дня стоит вопрос о новом освоении обширных дельтовых территорий, некогда заселенных степными племенами, ведущими, как мы увидим ниже, комплексное хозяйство, в котором ирригационное земледелие занимало центральное место.

* * *

Хорезм — форпост древневосточной цивилизации, выдвинутый далеко на север, в глубь мира сперва скифских, а потом тюркских степных племен. Если в отношении всех других центров цивилизации Средней Азии и смежных областей можно сказать, что их история не-

³ Решение объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 581—582, 585.

⁴ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960.

⁵ Решение объединенной научной сессии..., стр. 581—582; С. П. Толстов, Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным, «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1950, стр. 143—149.

отделима от истории степных племен, то особенно необходимо это подчеркнуть в отношении Хорезма.

Наши исследования показали, что в первую очередь мы должны обратить внимание на обширный район, расположенный к северо-востоку от Хорезма, на самых восточных древних руслах Аму-Дарьи и особенно на сухих южных протоках древней дельты Сыр-Дарьи, охватывающих обширную область между Аральским морем на западе и районом современного города Кзыл-Орда, несколько к югу от которого находился известный средневековый центр культуры — город Фараб, или Отрар; уроженцем его был выдающийся раннесредневековый философ ал-Фараби, чье имя занимает достойное место в истории средневековой философии.

Аральское море — самая северная и самая крупная в цепи древних тектонических впадин, окаймляющих с востока и юго-востока древнее плато Устюрт. В позднечетвертичный период и особенно в эпоху антропогена Аральское море становится главным водоприемником великих среднеазиатских рек, текущих с гор, окаймляющих с востока и юга обширную Туранскую низменность. Именно здесь, в южных и восточных районах Приаралья, складывается огромная система двух соприкасающихся дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи — Окса и Яксарта древних авторов.

Первые же археологические исследования, проведенные нами на восточных, ныне сухих протоках древней дельты Аму-Дарьи (так называемая Акча-Дарья) и на древних сухих руслах дельты Сыр-Дарьи, важнейшие из которых известны сейчас под названием Куван-Дарья и Жаны-Дарья, показали, что этот район, сейчас представляющий собой пустыню, изобилует многочисленными памятниками первобытной эпохи, античности и средневековья (рис. 1). По обилию и значительности памятников этот район отнюдь не уступает участкам пустыни, непосредственно окружающим Хорезмский оазис, тем участкам, исследование памятников которых легло в основу наших обобщений по истории древнего Хорезма первобытной, античной и раннесредневековой эпох. Поэтому на нашем экспедиционном жаргоне этот район получил название «нового Хорезма» — название, как мы увидим дальше, имеющее под собой известные исторические основания.

* * *

Исследуемый нами район древней дельты Сыр-Дарьи, смыкающийся, как мы отметили, на юго-западе с древней дельтой Аму-Дарьи, представляет собой огромный треугольник свыше 400 км в широтном направлении и в среднем около 200 км в меридиональном. С запада его границей служит все протяжении восточного берега Аральского моря, с юга он ограничен коренными высокими песками пустыни Кызыл-Кум, с севера его граница идет примерно по современному руслу Сыр-Дарьи ниже города Кзыл-Орда.

История древних русел этого района в целом может быть сейчас намечена в следующих чертах: наиболее древнее, доисторическое русло Сыр-Дарьи (пра-Сыр-Дарья) проходило значительно южнее описанного выше треугольника, к югу от основного массива кызыл-кумских песков, гранича с юга с системой водораздельных хребтов, окаймляющих с севера Зеравшанский оазис, соединяясь с системой пра-Аму-Дарьи⁶.

Позднее, в связи с прорывом вод Сыр-Дарьи на север (вероятно, хронологически совпадающим со временем аналогичного поворота Аму-

⁶ С. П. Толстов, А. С. Кесь, Проблема древнего течения Аму-Дарьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных, «Материалы ко второму съезду географического общества СССР», М., 1954, стр. 141—145; А. С. Кесь, Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXX, 1958, стр. 7—12.

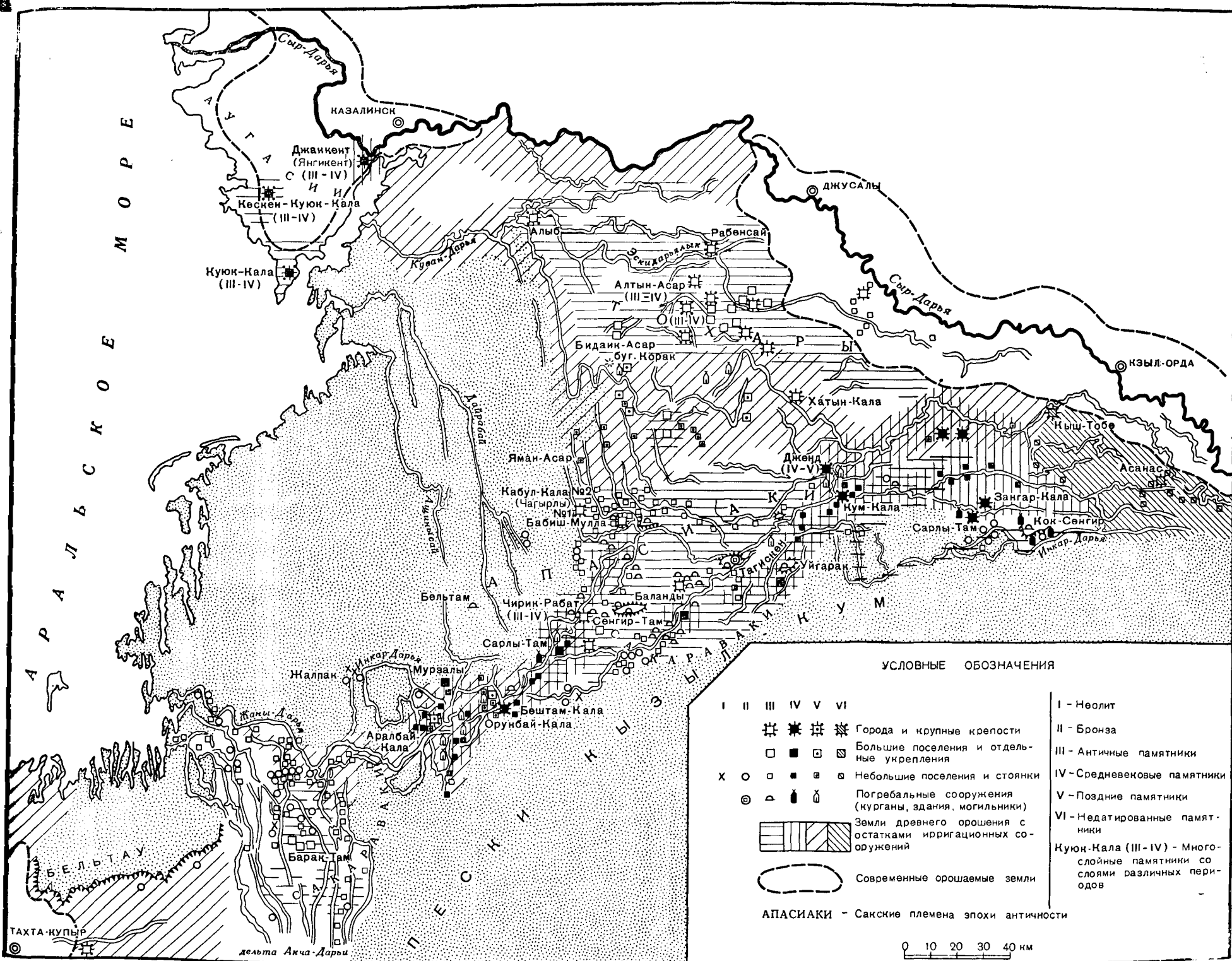

Рис. 1. Расселение древних племен и распространение археологических культур в бассейне Жаны-Дарьи и Куван-Дарьи

Дарьи) воды Сыр-Дарьи растеклись многочисленными сильно меандрирующими протоками по обширной низменности вышеописанного треугольника, проложив себе путь к восточному побережью Аральского моря. Вся обширная исследованная область пересечена многочисленными широтными и меридиональными сухими руслами, изучение которых представляет очень большой интерес для палеогеографического исследования древней гидрографической сети этого района. Наши работы позволяют уже сейчас наметить историю основных направлений нижнего течения Сыр-Дарьи.

Анализ расположения стоянок неолита и бронзового века, датированных III—II тысячелетием до н. э., позволяет прийти к заключению, что главным протоком древней дельты Сыр-Дарьи в эту эпоху была Инкар-Дарья — русло, идущее параллельно руслу Жаны-Дарьи, но значительно более меандрирующее и неоднократно пересекающее Жаны-Дарью. В верхнем течении оно расположено главным образом к югу от Жаны-Дарьи, затем после нескольких меандров, пересекающих это русло, на нижнем отрезке Инкар-Дарья расположена преимущественно севернее Жаны-Дарьи.

Базируясь на распространении более поздних памятников, мы можем прийти к выводу, что между VIII и VI вв. до н. э. произошло спрямление русла Инкар-Дарьи, в результате чего сформировалось русло Жаны-Дарьи, а Инкар-Дарья превратилась в систему многочисленных стариц, частично заполнявшихся водой, особенно во время паводков. К этому же или несколько более позднему времени относится формирование того русла, которое мы называем пра-Куван-Дарьей и вдоль которого расположена основная масса античных памятников этого района (комплекс, известный под названием Джеты-асар — «семь памятников»; на деле их гораздо больше)⁷.

Площадь между Жаны-Дарьей и пра-Куван-Дарьей была пересечена многочисленными меридиональными протоками, многие из которых восходят еще к начальному периоду блуждания вод Сыр-Дарьи в поисках выхода к Аральскому морю, и боковыми широтными ответвлениями обоих описанных выше русел.

Вся область, в древности исключительно богато обводненная, представляла в эту эпоху нечто вроде «среднеазиатской Венеции». Именно с этой местностью связано античное название области расселения так называемых «массагетов болот и островов» — термин, дошедший до нас в изложении Страбона⁸, восходящем, однако, как справедливо предполагает А. Германн⁹, к тексту Гекатея Милетского, предшественника Геродота. У нас есть все основания считать, что Яксарт древних авторов в нижнем его течении отнюдь не современное русло Сыр-Дарьи ниже Кызыл-Орды (которое к этому времени еще не сформировалось), а именно Жаны-Дарьи — главное и самое южное русло дельты Сыр-Дарьи античной эпохи. В период максимального освоения этой области под земледелие в античное время площадь земель с остатками оросительных сооружений в бассейне Жаны-Дарьи и пра-Куван-Дарьи достигала 2,2—2,4 млн. га.

Дальнейший анализ наших материалов показывает, что около середины II в. до н. э. течение воды по Жаны-Дарье прекратилось. Глав-

⁷ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 123 и сл.; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1945—1948 гг., стр. 16—31; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 235 и сл.; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949 г., ИАН СИФ, 1950, № 6, стр. 521—529; его же, Археологические работы Хорезмской экспедиции 1951 г., «Сов. археология», т. XIX, 1954, стр. 258—262.

⁸ Страбон, XI, 1, 6—7.

⁹ А. Германн, Alte Geographie des unteren Oxusgebietes. Berlin, 1914.

ным руслом дельты стала пра-Куван-Дарья, жизнь на берегах которой не прекращалась и в поздней античности и в раннем средневековье. Жаны-Дарья на протяжении более тысячелетия не существовала как постоянно действующая река. Об этом свидетельствуют как рас-

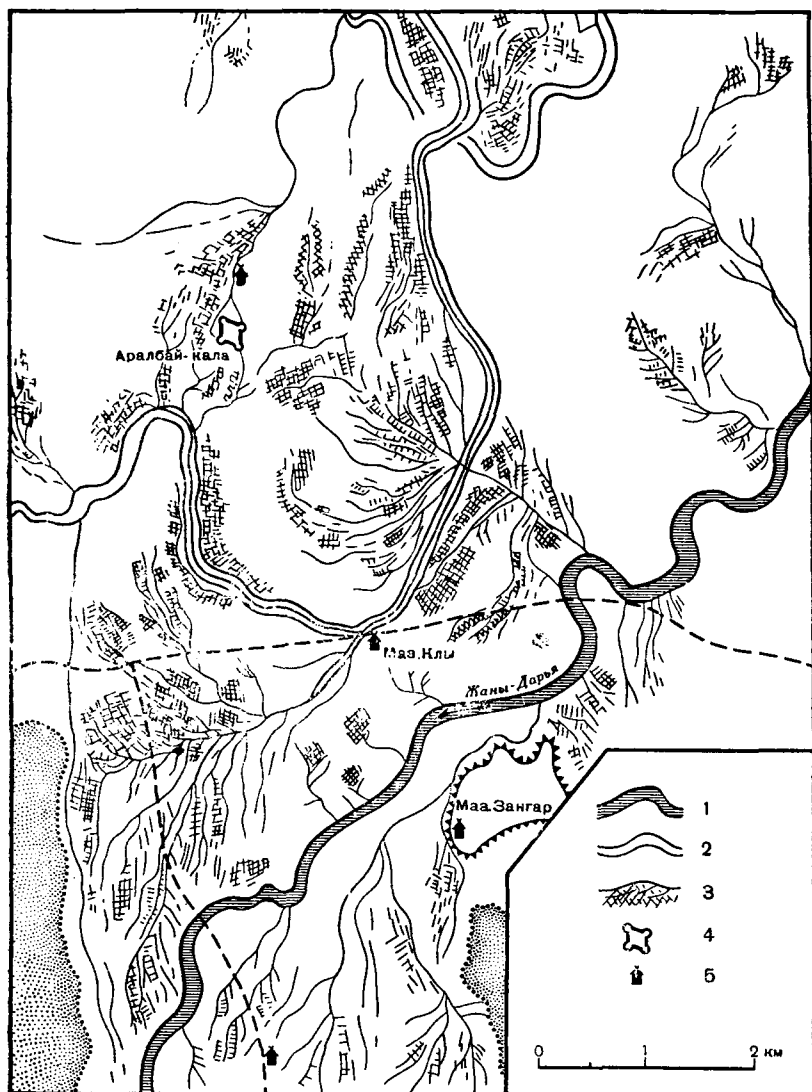

Рис. 2. Земли древнего орошения каракалпаков в бассейне Жаны-Дарья (урочище Клы): 1 — глубоко врезанное основное русло Жаны-Дарья; 2 — боковые слабо врезанные русла; 3 — каракалпакские каналы и поля; 4 — каракалпакские укрепления; 5 — мазары

положение археологических памятников, так и сообщение ал-Бируни, великого ученого-энциклопедиста начала XI в. н. э., который назвал Жаны-Дарью (рассматривая ее как продолжение Акча-Дарьи) Вади-Фахми, «русло стоячих вод»¹⁰. Однако, видимо уже в том же XI веке,

¹⁰ Абу-Рейхан ал-Бируни, Тахид нихайат ал-амакин фи тасих масафат ал-масакин (Определение конечных границ, место для проверки расстояний населенных пунктов), см. «Biruni's Picture of the World», в издании «Memoirs of the Archaeological Survey of India», № 53, Delhi, 1937.

произошел новый прорыв вод по Жаны-Дарье. На ее берегах сохранились многочисленные памятники городских и сельских поселений XII—XIV вв., в том числе развалины большого города Дженда (современная Джан-кала и ее более ранний пригород Кум-кала)¹¹, хорошо известного из средневековых письменных источников как крупнейший центр огузского племенного союза и как пункт, связанный с одним из эпизодов героической борьбы полководца хорезмшаха Тимур-Мелика с монгольскими захватчиками. Площадь орошенных и занятых под оросительными сооружениями земель в средние века на территории Сыр-Дарьинской дельты, по нашим подсчетам, была значительно меньше, чем в период античности, но все же достигала 1,2 млн. га, в том числе устойчивые очаги интенсивного земледелия составляли 700—800 тыс. га, а районы неустойчивого дельтового орошения 400—500 тыс. га. Течение воды по пра-Куван-Дарье, очевидно, прекратилось значительно раньше. Памятники джеты-асарской культуры — не позднее VIII в. н. э.

Имеются все основания предполагать, что окончательное формирование современного русла нижней Сыр-Дарьи может быть датировано временем сколо XV в., когда снова прекращается течение воды по Жаны-Дарье. Течение воды по древним южным руслам Сыр-Дарьи возобновляется периодически, особенно в XVIII—начале XIX в., когда формируется известное ныне под этим названием русло Куван-Дарьи и когда весь этот обширный район, к тому времени ставший вновь пустыней, густо заселяется трудолюбивым народом полуоседлых ирригаторов пустынных дельтовых областей — каракалпаками. Следы своеобразных каракалпакских ирригационных сооружений, их поселения, крепости и могильники являются последними по времени массовыми памятниками этого района (рис. 2)¹². Площадь, занятая каракалпакской ирригацией, исчисляется, как и в период средних веков, в 1—1,2 млн. га. Каракалпаки возделывали на поливных землях зерновые культуры (пшеницу, просо, ячмень, рис), занимались также бахчеводством. Наряду с земледелием у них было сильно развито животноводство, в первую очередь разведение крупного рогатого скота.

* * *

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. исследуемая область была густо заселена племенами — носителями культуры степной бронзы. В западной части этого района нами открыт ряд крупных стоянок характерной для бронзового века Хорезма тазабагъябской культуры, несущей на себе черты скрещения срубной культуры юго-восточной Европы и андроновской культуры, распространенной в степях Казахстана и Минусинском крае¹³. Новейшие исследования Т. Д. Златковской, обратившей внимание на наличие в слое VII в. древней Трои керамики,

¹¹ Об идентификации средневекового Дженда с современной Джан-калой см. С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 61.

¹² Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 522—524; Б. В. Андрианов, Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаны-Дарьи в 1956—1957 гг., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960.

¹³ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники Каракалпакии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 174—175; его же, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 66—68; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 76—77; его же, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., ВДИ, 1955, № 3, стр. 192; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., «Сов. востоковедение», 1955, № 6; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 112—115; М. А. Итина, Новые стоянки тазабагъябской культуры, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, 1959, стр. 52—69; ее же, Первобытная керамика Хорезма, Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, М., 1959, стр. 35—62.

весьма сходной со срубной, а также на аналогичные памятники на территории Болгарии, позволяют нам с большим основанием предполагать в создателях срубной культуры фрако-киммерийские племена. находка мест поселения древних киммерийцев, охватывающих огромную область от восточной части Балканского полуострова на западе до Приаралья на востоке, ставит на прочную базу наши неоднократно высказывавшиеся предположения, основанные на отрывочных наблюдениях, о какой-то значительной роли, какую фракийский, точнее фрако-киммерийский, элемент играл в формировании древнехорезмийской цивилизации, а также высказанную нами гипотезу о связи этнического имени массагетов (в древних китайских документах «Да-юечжи», если исходить из ханьского чтения иероглифов «Большие», или «Великие», геты) ¹⁴ с именем фракийских гетов ¹⁵.

Далее к востоку по течению Инхар-Дарьи располагались поселения недавно открытой нашей экспедицией инхар-дарьинской культуры позднебронзовой эпохи, существенно отличающейся как от тазабагыбской, так и от андроновской культуры, но тоже относящейся к культурам степного бронзового века.

Изучение памятников первобытной эпохи более северных и восточных частей исследуемого района еще только начинается, но мы уже сейчас на основании собранных материалов можем констатировать, что древняя дельта Сыр-Дарьи в позднем бронзовом веке являлась местом сопрякосновения и скрещения различных этнокультурных элементов, среди которых, как и на территории Хорезма, постепенно возобладали, во всяком случае в языковом отношении, восточноиранский, или сакский (скифский), элемент. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

* * *

В VII—VI вв. до н. э. на базе культуры племен бронзового века дельты Сыр-Дарьи в бассейне Жаны-Дарьи и Акча-Дарьи сложилась весьма своеобразная культура сакских племен этого района, получившая название кокча-тенгизской. В многочисленных стоянках этой культуры керамика, сохраняющая традиции степного бронзового века, сочетается с бронзовыми раннескифскими наконечниками стрел, остатками железодельного производства и вместе с тем с многочисленными орудиями из кварцита. Эта культура продолжает развиваться и позднее, вплоть до II в. н. э.

V—II вв. до н. э. представлены здесь уже многочисленными монументальными памятниками, позволяющими дать разностороннюю характеристику кокча-тенгизской культуры в период ее расцвета. У нас имеются все основания отождествить носителей этой культуры с занимающими в более поздних античных источниках место «массагетов болот и островов» Гекатея — Страбона апасиаками, «водными», или «речными», саками, по-видимому, тождественными «скифам-абиям» Арриана ¹⁶.

¹⁴ Об идентификации массагетов и Да-юечжи см. «Древний Хорезм», стр. 242—247.

¹⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 202—203; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81—86.

¹⁶ Арриан, Анабасис Александра, IV, I. Термин массагеты в форме Да-юечжи сохраняется лишь в китайских источниках, видимо в связи с тем, что одна из небольших массагетских этнографических групп сохранилась на крайнем востоке Средней Азии, на границах с Китаем, и в описываемое время, о чем свидетельствует текст Птолемея (VI, 13), восходящий к Марину, помещающий массагетов далеко на востоке от места прежнего их обитания в верховьях Яксарта, в местности Аскатанка, т. е. в Притяньшанье. Видимо, сильное движение массагетских племен на восток, включая территорию Сяньцзяна и окраины Монголии, было вызвано событиями, связанными с походами Александра Македонского (см. «Древний Хорезм», стр. 245 и сл., а также Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 201—202). Оставшиеся на месте массагетские племена и по языку и по имени растворились в массе сакских племен.

Как показали наши исследования, племена, заселявшие область древней дельты Сыр-Дарьи в античный период, уже тогда вели комплексное хозяйство, сочетавшее животноводство, в частности разведение крупного рогатого скота, с поливным земледелием — возделыванием проса, ячменя.

На среднем течении Жаны-Дарьи расположены величественные развалины древней столицы союза апасиакских племен, носящие сейчас

Рис. 3. Городище Чирик-рабат. Снимок с самолета

название, восходящее к послемонгольскому средневековью — Чирик-рабат, или Чирик-кала («войсковая стоянка», или «войсковая крепость») ¹⁷. Исследование этих развалин, начатое нами вскоре после второй мировой войны (1946 г.) и возобновленное в более широком масштабе в 1957 г. продолжается до настоящего времени ¹⁸.

Чирик-рабат представляет собой огромное овальное укрепление 850×600 м, опоясанное двойным кольцом стен, разделенных глубоким ровом и следующих очертаниям также овальной останцовой возвышенности, достигающей высоты около 15 м над окружающей равниной (рис. 3). Плоская вершина возвышенности увенчана группой живописных высоких курганов апасиакских верховных вождей, или царей. Вокруг основной части этих курганов расположены две разновременные

¹⁷ Чирик (казахское Ширик) — позднесредневековое среднеазиатское производное от монгольского чирик — войско.

¹⁸ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., ИАН СИФ, 1947, № 2, стр. 180; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 98—99; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1948 г., ИАН СИФ, 1949, № 3, стр. 254; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 12; его же, Огузы, печенег, море Даукара, «Сов. этнография», 1950, № 4, стр. 51—52 и карта; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 236; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960, стр. 23—40.

цитадели. В целом крепость, поднимающаяся непосредственно над руслом древней реки, оставляет незабываемое впечатление и воскрешает художественные образы древних городов с полотен художника-археолога Н. Рериха.

Большая часть внутреннего пространства крепости была густо застроена. Раскопки жилых кварталов, еще только начатые, представляют огромный интерес для изучения жизни большого скифского города — проблема, совершенно новая в науке. Судя по итогам раскопок как в жилых кварталах города, так и на курганах и других погребальных сооружениях, о которых речь пойдет ниже, городище возникло не позднее второй половины V в. до н. э., а возможно и раньше, — центральный, по-видимому, самый древний курган и примыкающая к нему территория древней цитадели еще не подвергались раскопкам. Жизнь на городище прекратилась около середины II в. до н. э.

Лишь более тысячи лет спустя на небольшом участке на юго-западном конце города возникло небольшое хорезмийское поселение XII в. н. э., известное, как нам удалось установить, в средневековых источниках под именем Саг-дере¹⁹. Обитатели этого поселения оставили также впускные погребения, совершенные по мусульманскому обряду, в жарских курганах скифской эпохи. Это поселение не пережило монгольского нашествия.

В XVIII в. пространство между древними стенами скифского города было заселено каракалпаками, оставившими здесь следы своих жилищ в виде кольцеобразных валов, окружавших юрты.

История укрепленного скифского города, носящего сейчас название Чирик-рабат, может быть теперь в основных чертах восстановлена. Видимо, древнейшей частью городища является увенчивающая холм группа царских курганов, окруженная, очевидно вскоре после их сооружения, подпрямоугольной стеной древней цитадели. Назначение этой цитадели пока не вполне ясно. Может быть, в ней был размещен охраняющий царские гробницы сакский гарнизон. Видимо, очень скоро после сооружения основной группы курганов вершина возвышенности, на которой они были воздвигнуты, начала густо заселяться саками. Не позднее IV в. до н. э. холм обносится упомянутой выше овальной двойной стенкой. К еще более позднему времени относится сооружение второй цитадели, расположенной к юго-западу от основной группы курганов. К последнему периоду существования города, к какому-то отрезку времени первой половины II в. до н. э., может быть, ко времени, близкому к середине этого столетия, относится последняя крупная перестройка скифской крепости — сооружение стены, отсекающей юго-западную часть городища, и ремонт стен, окружающих эту часть города. Именно эти стены сохранились лучше всего и играют немалую роль в создании того впечатления о развалинах древней скифской столицы, о котором мы говорили выше.

Основные раскопы заложены в семи пунктах городища: на северо-востоке — раскоп, пересекающий обе стены, расположенный между ними рвов крепости и прилегающий к внутренней стене участок застройки городища; в юго-восточной части городища, в наиболее густо заселенной части древнего города, — стратиграфический раскоп, примыкающий к юго-восточной стене города; два раскопа на территории поздней цитадели, один из которых, также носящий стратиграфический характер, вскрыл глубоко погребенный под продуктами позднейшего разрушения угол еще одной древней стены в центральной части городища (на анализе этой находки мы остановимся ниже); три раскопа — на погребальных сооружениях, все они уже почти доведены до конца на одном

¹⁹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 61.

из центральных курганов, на цилиндрическом здании, входящем в систему охарактеризованной поздней поперечной стены, и на позднем прямоугольном погребальном сооружении.

Мы не имеем возможности за недостатком места остановиться здесь на описании добытых при раскопках материалов; мы дадим им обобщающую характеристику после того, как охарактеризуем результаты раскопок двух других апазиатских памятников — городищ Бабиш-мулла и Баланды.

* * *

Комплекс Бабиш-мулла, исследование которого началось одновременно с исследованием Чирик-рабата²⁰, расположен на расстоянии около 40 км к северо-востоку от последнего, в центральной части веера северных боковых протоков Жаны-Дарьи, расходящегося от коренной возвышенности Ак-кыр, находящейся на правом берегу Жаны-Дарьи, выше Чирик-рабата. Если в окрестностях Чирик-рабата не сохранилось следов древних сельских поселений и ирригации античного периода вследствие того, что эти окрестности были густо заселены в XVIII—начале XIX в. каракалпакскими земледельцами, ирригационные сооружения которых и связанные с ними культурно-ирригационные отложения целиком прикрыли аналогичные памятники античного периода, то на описанном выше веере северных боковых протоков эти памятники прекрасно сохранились. На протяжении более двух тысячелетий после того как люди покинули эти поселения эта область оставалась пустынной. Проведенное нами обследование обширной территории около 40 км с востока на запад и 15—20 км с севера на юг показало, что в античный период эта область была исключительно густо заселена, особенно в IV—II вв. до н. э. Повсюду разбросаны остатки обширных сельских поселений с хорошо сохранившимися следами деревенских жилых построек, возведенных на глинобитных цоколях. Вся поверхность этих домов густо усеяна обломками апазиатской керамики IV—II вв. до н. э. и рабочими орудиями из кварцита, добывавшегося, несомненно, в районе возвышенности Ак-кыр, изобилующей выходами этого минерала и, возможно, именно поэтому получившей свое название «белый обрыв», или «белая возвышенность». Кроме того, среди этого наиболее массового материала много находок наконечников бронзовых скифских стрел, позволяющих датировать весь комплекс, а также бронзовых и золотых украшений, остатков меднолитейного, железолитейного и гончарного производства — шлаков, криц, фрагментов бракованных изделий. Остатки некоторых поселений настолько хорошо сохранились, что дают возможность без раскопок снять точные планы апазиатских деревень.

Все эти поселения базировались на ирригационных каналах, пересекающих местность в различных направлениях, образуя густую сеть. Апазиатская ирригация представляет исключительный интерес. Каналы, выведенные из боковых протоков, нередко соединяют два широтных протока. Это, несомненно, свидетельствует о попеременном использовании в качестве источника водоснабжения то одного, то другого из них, что было легко сделать в связи с почти абсолютной горизонтальностью равнины и что свидетельствует о крайней неустойчивости водного режима этого района.

²⁰ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 57—58; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 12; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 236; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, Указ. раб. стр. 40—59.

На одном из таких меридиональных каналов, соединяющих два широтных боковых русла, и расположен комплекс Бабиш-мулла, обширный хорошо сохранившийся сельский район, в центре которого находится небольшой укрепленный городок, видимо, являвшийся центральным поселением одного из аспасиакских племен и резиденцией племенного вождя или князя (рис. 4). Городок состоит из квадратной цитадели

Рис. 4. Комплекс развалин Бабиш-мулла. На первом плане погребальное здание Бабиш-мулла 2

(100×100 м) и собственно города неправильной формы, расположенного с юга отчасти с юго-востока от цитадели; протяженность города 125 м с севера на юг и 140 м с востока на запад. От стен сохранилась только цокольная часть глинобитной кладки.

Раскопки проводились преимущественно на цитадели, значительная часть которой вскрыта. Почти полностью раскопан так называемый «донжон», высокое, поднимающееся сейчас на 5 м над равниной подпрямоугольное здание размером 30×30 м, расположенное близ юго-западного угла цитадели и защищавшее, как показали раскопки, вход в цитадель, ведущий через середину «донжона». Вторым объектом раскопок на цитадели был так называемый «большой дом», квадратное здание размером 44×44 м. Сейчас вскрыто более четверти этого здания. Кроме того, раскопки велись на внутреннем дворе цитадели между «донжоном» и «большим домом» и между последним и северной стеной. Помимо цитадели, небольшие раскопы были заложены на территории самого города, один к югу от ворот цитадели и другой близ южной стены города.

Раскопки показали, что, несмотря на относительно короткий период существования городка, построенного в IV в. до н. э. и просуществовавшего до середины II в. до н. э., все раскопанные сооружения цитадели имеют культурные слои трех строительных периодов. Наиболее ярко эти периоды выявились при раскопках «донжона». Первый период характеризуется отсутствием «донжона» как такового; на месте его находились просто ворота крепости, возможно, имевшие какие-то не дошедшие до нас оборонительные сооружения. Во втором строительном

периоде создается нижний ярус «донжона» — к воротам пристраивается снаружи по обе стороны их прямоугольник высоких сводчатых помещений, где, по-видимому, размещался обороняющий наиболее уязвимую часть цитадели гарнизон. Оборона, видимо, велась с обнесенной стенами плоской кровли «донжона». Конец второго периода и на «донжоне» и на «большом доме» несомненно связан с военным разгромом крепости. Об этом наиболее ярко свидетельствуют результаты раскопок одной из сводчатых комнат «донжона»; западная стена этой комнаты, одновременно являющаяся частью внешней стены городка, была пробита стенобитным орудием — тараном, наносившим удар наклонно снизу вверх. Таран разрушил замок свода в западной части помещения, в результате чего рухнула вся средняя часть свода.

Аналогичны следы военного разгрома и в раскопанной части «большого дома», где между вторым и третьим строительным горизонтом налицо слой, свидетельствующий о запустении здания и частичном использовании его какими-то чужеземными завоевателями, совершенно не считавшимися со строгой планировкой здания второго строительного периода. Следы сражения сохранились и на дворе цитадели близ ворот, ведущих в центральное здание. Об этом свидетельствует находка в соответствующем слое бронзовых наконечников стрел и фрагментов железных доспехов. Однако этот период запустения длился, по-видимому, очень недолго. Затем «донжон» был совершенно реконструирован, сводчатые помещения второго строительного периода были засыпаны песком, обломками кирпича и кусками глинобитной кладки или забиты новой глинобитной кладкой. Раскопки «восточных» комнат «донжона», сплошь забитых такой новой кладкой, представляли большие трудности и были завершены в короткий срок только благодаря широкому применению механизации рабочих процессов.

Здание было одето как снаружи, так и внутри по обе стороны ворот новой кирпичной рубашкой. Эта рубашка закрыла со стороны осевого прохода ворот арочные входы в сводчатые помещения; эти помещения вошли, таким образом, в мощный стилобат «донжона» третьего строительного периода, поднимавшийся на высоту 5 м над равниной. Над этим стилобатом был возведен целый ряд новых комнат, к сожалению, плохо сохранившихся в результате размыва. Въезд на цитадель был оформлен в виде двухстороннего пандуса, от которого ответвляется очень интересный по планировке пандус, идущий в верхние помещения «донжона». Он отходит перпендикулярно от осевого пандуса на восток недалеко от южного входа в «донжон», затем вновь изгибается перпендикулярно на север вдоль западной стены восточной половины «донжона» и выходит близ ее северного конца на уровень помещений второго строительного периода. Здесь он снова поворачивает на запад, идя уже горизонтально и обрываясь над краем прохода ворот. В этом месте была сделана одна из любопытных, хотя и скромных, находок — обрывок зажатой в кирпичной кладке веревки, несомненно связанной с переброшенным некогда через проход подъемным мостом, ведущим в западную половину «донжона».

Заново строятся на разровненной площадке второго строительного периода, периода запустения и чужеземной оккупации, новые помещения «большого дома», стены которых частично построены над стенами второго строительного периода, с использованием их остатков, а частично возводятся без учета расположения этих стен.

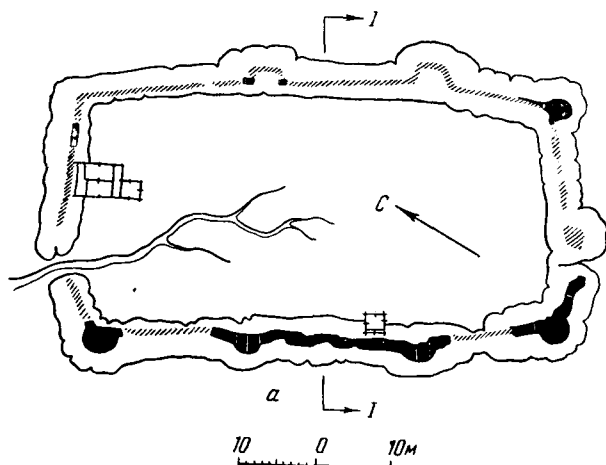
Большой интерес представляет самый верхний слой цитадели, относящийся ко второму периоду запустения, на этот раз не связанному ни с какими катастрофами и предшествующему окончательному превращению Бабиш-муллы в заброшенные, выжженные солнцем пустыни развалины. Этот период, когда города уже не существовало, но какая-то часть потомков создателей этого города еще обитала в этом

районе. Весь связанный с этим вторым слоем запустения материал не может быть датирован временем, более поздним, чем вторая половина II в. до н. э.

В 170 м на запад от городища Бабиш-мулла на берегу описанного выше канала высятся живописное здание в виде усеченной ступенчатой пирамиды — Бабиш-мулла 2. Раскопки показали, что перед нами погребальное сооружение — мавзолей апасиакских князей Бабиш-муллы и прилегающего района. Раскопки этого памятника завершены в 1959 г.

* * *

Третьим крупным комплексом апасиакских памятников, открытым нами в 1959 г., является находящийся в 40 км на юго-восток от Чирик-рабата другой небольшой городок с примыкающей к нему деревней и ирригационной системой и рядом расположенных вокруг него погре-

Профиль I-I

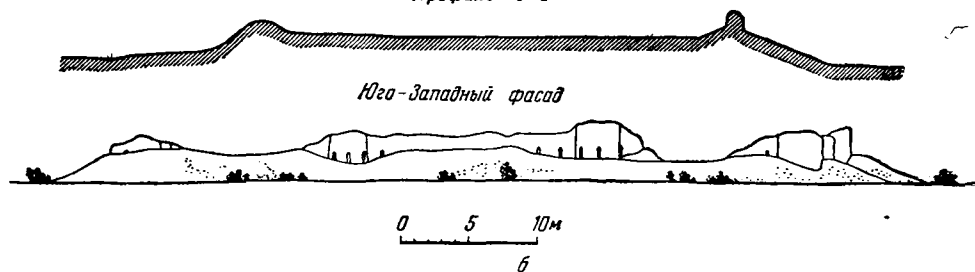

Рис. 5. Городище Баланды 1: а — план; б — разрез

бальных памятников. Весь этот комплекс известен у местного населения под названием Баланды.

Баланды 1 — это прямоугольный городок площадью 80×130 м, стены которого поднимаются над окружающей равниной на высоту 3—4 м (рис. 5); материал, собранный на городке и в его окрестностях, совершенно тождествен материалу из Бабиш-муллы.

В одном километре на восток от Баланды 1 расположено чрезвычайно интересное и несомненно синхронное ему сооружение — круглое

погребальное здание, перекрытое ложным куполом. Это здание было нами раскопано в 1959—1960 гг.

Другое погребальное здание, также раскопанное нами полностью, расположено в 1,5 км к востоку от описанных памятников; это круглое погребальное здание, относящееся к несколько более позднему времени и принадлежащее к весьма интересной и широко распространенной в этом районе категории памятников — так называемых «крестовин», на характеристике которых мы остановимся ниже.

Наконец, еще дальше к востоку, в 5 км от Баланды 1, на берегу крупного меридионального русла, нами открыт и частично раскопан грунтовой могильник, зарегистрированный под названием Баланды 4. Найденный при его раскопках материал, прежде всего бронзовые наконечники скифских стрел, не оставляет сомнения, что перед нами памятник, синхронный Баланды 1 и датируемый IV—III, самое позднее началом II в. до н. э.

* * *

Кроме описанных выше апасиакских памятников, подвергавшихся стационарным или рекогносцировочным раскопкам, следует отметить еще два крупных комплекса, рекогносцировочно обследованных нами. Один из них — это расположенный в 20 км на северо-запад от Бабиш-муллы комплекс Кабул-кала с находящейся в его центре очень интересной с точки зрения фортификации крепостью того же названия, другой — лежащая в непосредственной близости к Чирик-рабату, недалеко от южного берега Жаны-Дарьи крепость, название которой нами пока еще не выяснено. Я не говорю уже об исключительно обильных россыпях апасиакской керамики и кварцитовых орудий — единственных следах многочисленных апасиакских поселений, разбросанных по всей обширной территории описанного участка Жаны-Дарьи по обоим ее берегам, и о погребальных сооружениях — курганах, увенчивающих многочисленные останцовые возвышенности, и «крестовинах», тяготеющих к сухим руслам. Отмечу только, что апасиакский материал зарегистрирован нами не только на глинистой аллювиальной равнине, но и в песках, иногда довольно далеко расположенных от этой равнины и орошавших ее древних русел; это свидетельствует о том, что перед нами памятники народа, сочетавшего ирригационное земледелие, развитые ремесла и градостроительство с полукочевым скотоводством, к которому надо добавить также рыболовство и охоту.

Перейдем к характеристике важнейших для нашей темы сторон культуры апасиакских племен; прежде всего остановимся на искусстве градостроительства и фортификации апасиаков.

Богатый материал, собранный нашей экспедицией по истории апасиакской фортификации и градостроительства, позволяет прийти к очень существенным заключениям. Если в планировке укрепленных городов, особенно таких крупных, как Чирик-рабат, несомненно выступают местные планировочные традиции, хотя и тесно связанные с планировочными традициями Хорезма архаической эпохи (VII—V вв. до н. э.), объясняемые общностью происхождения создателей древнехорезмийской цивилизации и окружающих степных племен²¹, то в отношении конструкций и строительных приемов памятники фортификации апасиаков несут на себе отпечаток фортификационных приемов хорезмийских строителей крепостей. Больше того, на апасиакских памятниках мы можем наблюдать известную «варваризацию» приемов хорезмий-

²¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 99—100; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 153.

ских фортификаторов IV—II вв. до н. э., а иногда и непонимание назначения тех или иных конструкций, механически воспроизводящихся строителями асасиакских крепостей.

Стены всех крепостей асасиаков IV—II в. до н. э. сложены из крупного сырцового кирпича характерных для Хорезма размеров и пропорций, однако не так строго выдержанных, как в архитектуре классического Хорезма. Больше того, наряду с преобладающим квадратным кирпичом, характерным для Хорезма классической эпохи, в кладке встречаются прямоугольные кирпичи, типичные для раннего этапа архаического Хорезма²² и для более северных племен района Джеты-асар²³, синхронных асасиакским памятникам и более поздних. Прямоугольный стандарт сырцового кирпича доживает в южных районах Средней Азии, как известно, вплоть до средневековья.

Стены Чирик-рабата полностью повторяют характерные для классического Хорезма планировку и конструкцию²⁴; внутренняя, лучше сохранившаяся стена имеет толщину 4,5 м. Внутри нее расположена стрелковая галерея шириной 1,8 м, открывающаяся наружу многочисленными стреловидными бойницами — форма, также весьма характерная для Хорезма классической и позднеантичной эпохи. Стена, как и в Хорезме, оборонялась расположенными на расстоянии около 25 м друг от друга подпрямоугольными башнями, тоже с бойницами такого же типа, расположение которых также следует хорезмскому образцу.

Другие крепости, в большинстве прямоугольные, имеют еще больше черт соприкосновения с фортификацией классического Хорезма. Так, например, крепость Кабул-кала настолько напоминает в миниатюре одно из наиболее замечательных фортификационных сооружений античного Хорезма — крепость Джанбас-кала²⁵, — что мы на нашем экспедиционном жаргоне обычно называли ее «малая Джанбас-кала». Эта близость прежде всего выступает в столь характерном для Джанбас-калы отсутствии башен как по углам, так и вдоль стен, и в расположении бойниц в два яруса в шахматном порядке. Однако здесь отсутствует система двухэтажных стрелковых галерей, столь органичная для системы обороны Джанбас-калы. Еще более интересна система обороны цитадели Бабиш-мулла; здесь мы видим широкое использование также характерной для Джанбас-калы системы тройных бойниц; однако, если в Джанбас-кала эти тройные бойницы, обслуживаемые одним стрелком и использовавшиеся как для флангового, так и для фронтального поражения противника, располагались лишь на ответственных участках обороны, соответствующих местоположению башен других крепостей, то здесь тройные бойницы тянутся вдоль всех стен, что сильно сокращает количество бойниц, рассчитанных на фронтальное поражение неприятеля на дальних и ближних подступах к крепости. Аналогичное отступление от хорезмийских фортификационных приемов мы видим и в системе пристенных башен всех исследуемых крепостей, за исключением Чирик-рабата. Как пристенные, так и угловые «башни» Бабиш-муллы и Баланды — это просто массивные выступы стены, не имеющие внутренних помещений и обслуживаемые стрелками, расположенными в той же галерее, что и стрелки, обслуживающие обычные бойницы. Такие башни не только бессмысленны, но и нецелесообразны, так как они значительно увеличивают длину бойниц и соответственно сильно сокращают поле поражения каждой такой бойницы.

²² С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 146.

²³ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 251; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), стр. 21.

²⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 77—98.

²⁵ Там же, стр. 88—98.

Вместе с тем в строительных и планировочных приемах апасиакских крепостей мы находим ряд черт, которые появляются в хорезмийской архитектуре значительно позже. Сюда относится комбинированная глинобитно-кирпичная кладка с чередующимися слоями кирпича и пахсы (битая глина). В еще большей мере это выступает в архитектуре «донжона» Бабиш-муллы, очень близко напоминающей «донжоны» — «жилые башни» раннесредневековой домусульманской архитектуры Хорезма²⁶ и предвосхищающей почти на тысячелетие «донжоны» средневековых европейских замков как с архитектурной, так и с тактической точки зрения.

* * *

Те же черты местных традиций и мощного влияния древнехорезмийской цивилизации с большой наглядностью выступают в керамическом материале²⁷. В то время как ремесленная, сделанная на ножном гончарном круге, керамика, несомненно местного производства (о чем свидетельствуют находки этой керамики в гончарных печах и находки производственного брака), повторяет с очень незначительными отклонениями в несколько более грубых формах хорезмийскую керамику классического периода, — лепная керамика имеет очень мало общего с лепной керамикой Хорезма, находя больше параллелей в скифо-сарматской керамике юга европейской части СССР и северозападного Казахстана (рис. 6). Надо вместе с тем отметить наличие в ремесленной, особенно ранней, керамике, некоторых устойчивых и совершенно не характерных для Хорезма форм. Это, например, относится к хумам (пифосам) первого строительного периода Бабиш-муллы, имеющим плоский свеху и сильно оттянутый внутрь венчик, а также к небольшим сероглиняным мисочкам, несколько напоминающим формы, типичные для Согда (Афрасиаб II), Бактрии (Кобадан II) и Парфии, датируемым примерно тем же временем²⁸. Это, как и ряд описанных выше особенностей строительного искусства, позволяет поставить некоторые существенные вопросы, имеющие отношение к социальной истории апасиакских племен.

Имеются основания предполагать, что как строительство грандиозных крепостей и городов, так и изготовление ремесленной посуды, само появление которой свидетельствует о значительном разделении общественного труда, производились не столько руками самих апасиаксов, сколько руками рабов иноплеменного происхождения. Отступления от хорезмийских стандартов в архитектуре и керамическом производстве, о которых упоминалось выше, позволяют предположить, что если среди рабов и были хорезмийцы, то в очень незначительном числе. Рабы-мастера в своей основной массе, видимо, происходили из южных областей Средней Азии. Напомним, что Полибий рассказывает о набегах апасиаксов на области Гиркании и Парфии²⁹. Однако предметом подражания для апасиакской знати являлись именно хорезмийские образцы — образцы культуры соседнего с апасиаками могуще-

²⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 128—153.

²⁷ О хорезмийской керамике исследуемого периода см.: М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода, Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, стр. 84—124; об апасиакской керамике см.: С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, Указ. раб., стр. 32—40, 49—59.

²⁸ А. И. Треножкин, Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 54; М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан), 1950—1951 гг., МИА, № 37, 1953, стр. 304, рис. 20, табл. XII; М. И. Вязьмитина, Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г., Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 147—162, рис. 12 (43, 44).

²⁹ Полибий, XI, 34.

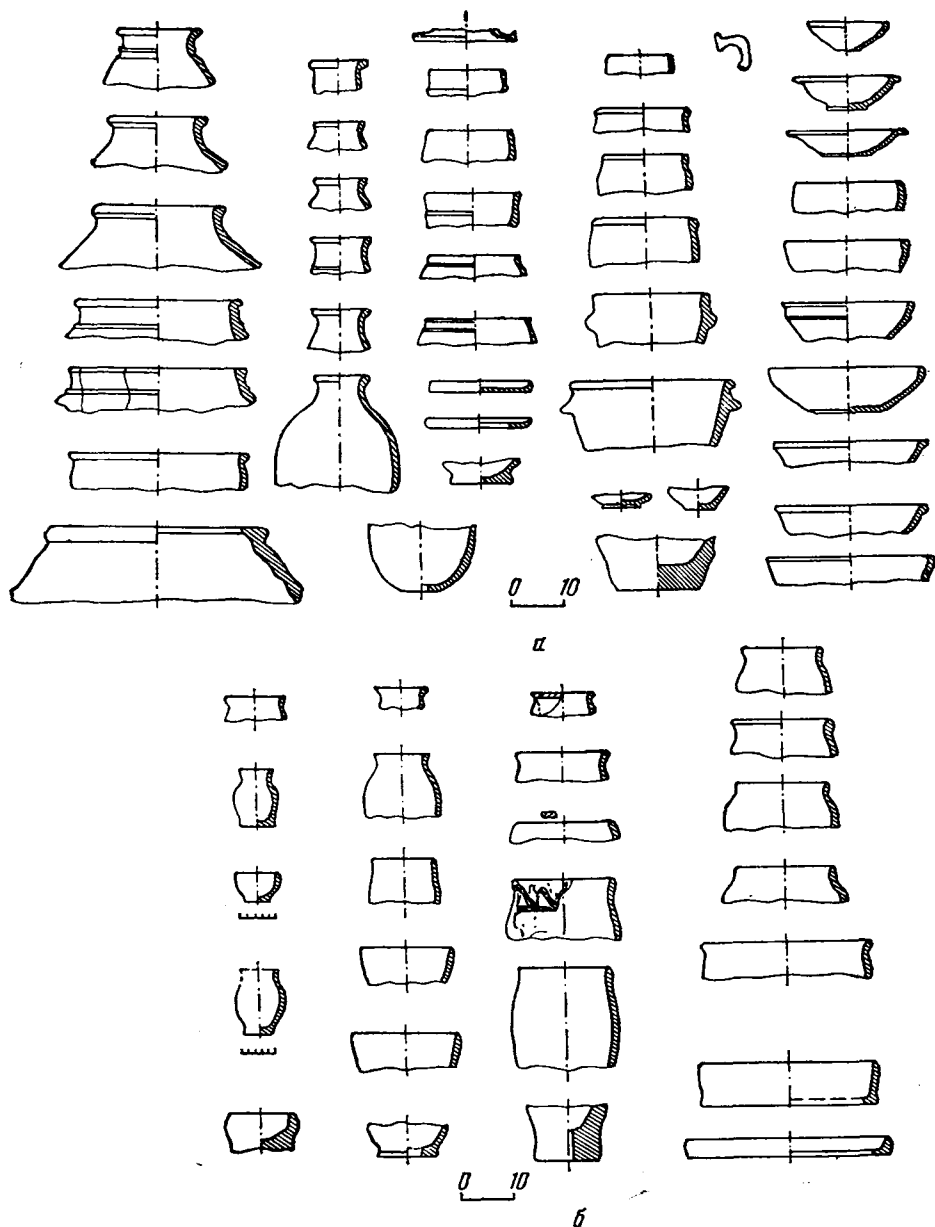

Рис. 6. Керамика апасиакских племен: а — изготовленная на гончарном круге; б — ручной лепки

ственного народа, с которым апасиаки, как уже не раз отмечалось в литературе, находились в тесном союзе³⁰. То, что рабы-мастера вынуждены были подражать образцам культуры, достаточно отличной от их собственной, и объясняет не только известное упрощение и огрубление хорезмийских образцов, но и привнесение мастерами своих собственных приемов.

³⁰ О вхождении Хорезма в конфедерацию массагетских племен см., например W. W. T a r n, *Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938, стр. 80—81.

* * *

Перейдем к характеристике еще не освещенных нами, но очень важных памятников культуры сакских племен (рис. 7). Речь идет об их погребальных сооружениях. Пока раскопан один, причем, видимо, один из наиболее поздних царских курганов Чирик-рабата, датируемый

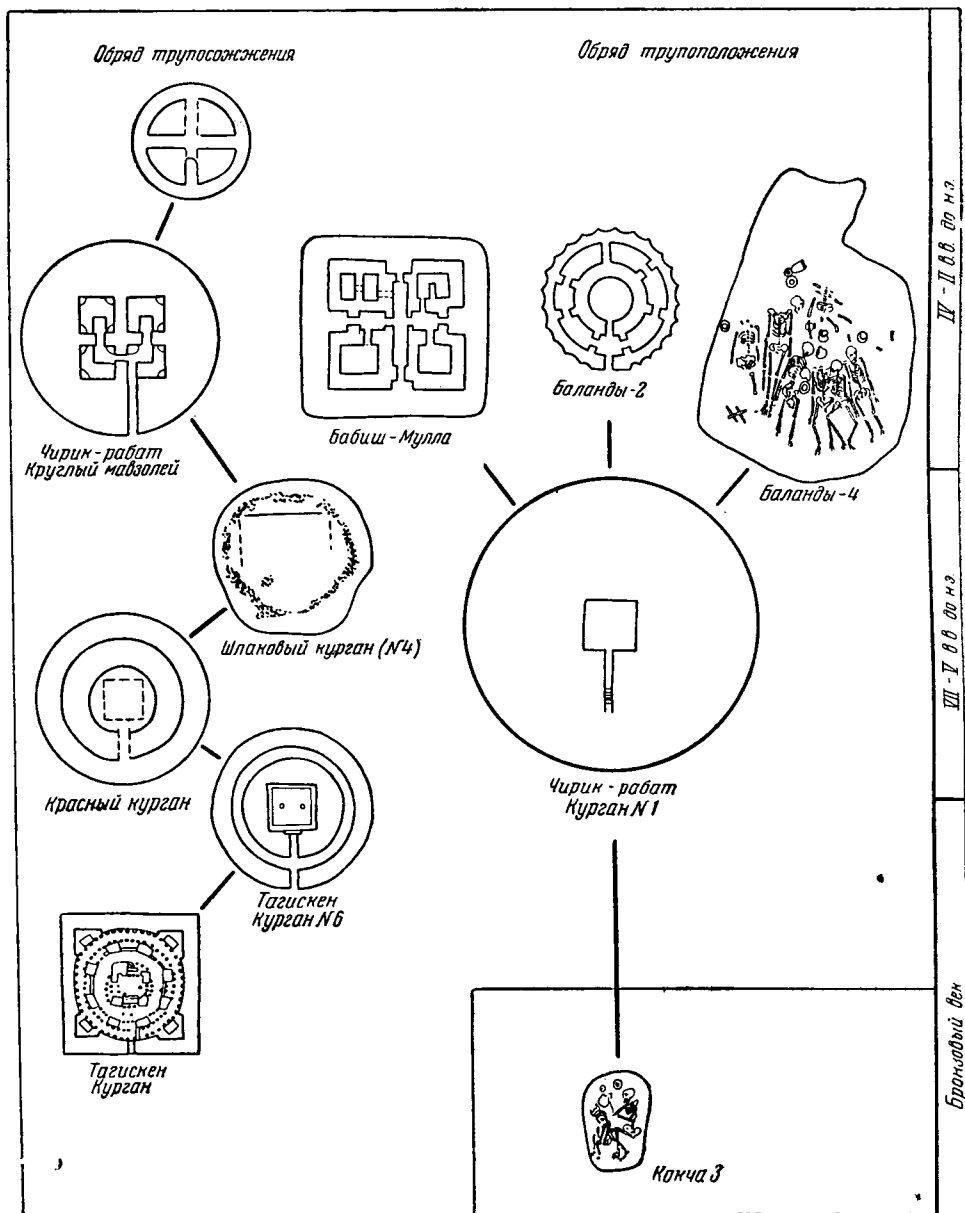

Рис. 7. Схема развития погребальных сооружений племен древней дельты Аму-Дарьи

концом V в. до н. э. (рис. 8). Он имеет 60 м в диаметре при сохранившейся высоте около 3,5 м над окружающими выходами материка. Центр его разрушен огромной грабительской воронкой, поэтому говорить о его первоначальной высоте невозможно. Как показали раскопки.

погребальная камера (размером 7,2×7,2 м) была вырублена на глубину 2,5 м в коренной породе, состоящей из древнего уплотненного песка с известковыми и железистыми стяжениями. От южной стены камеры начинался дромос длиной 14 м, выведивший на древнюю дневную поверхность. Стены камеры и дромоса были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с известковой лобелкой. От погребения сохранилось очень мало вследствие предприимчивости грабителей, основательно

Рис. 8. Чирик-рабат. Курган № 1. Погребальная камера и дромос

очистивших камеру, однако кое-что для археологов они все же оставили. И это дает нам возможность не только датировать курган, но и внести некоторые новые черты в характеристику культуры апасиаков. Помимо фрагментов керамики, в заполнении камеры найдены бронзовые наконечники скифских стрел, золотая обкладка рукояти ножа или кинжала, а самое главное — фрагменты длинного меча с плоской рукоятью и, вероятно, овальным навершьем и бабочковидным перекрестьем, сходного со скифскими акинаками³¹. После захоронения, о деталях ритуала которого мы судить сейчас еще не можем, камера была засыпана песком и как камера, так и дромос по уровню дневной поверхности были закрыты шестью слоями камыша (толщина каждого 2—3 см), над ними была возведена курганная насыпь из того же материкового древнего песка.

Следующим хронологически, полностью исследованным погребальным памятником апасиаков является погребальное здание Бабишмулла 2: Оно поднимается над современной равниной на 7 м и имеет в плане размеры 30×30 м. Там имеются четыре погребальные камеры,

³¹ Аналогии этому мечу можно найти в Западном Казахстане (И. В. Силицын, Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, КСИИМК, XLV, 1952, стр. 67, рис. 27, 1), Приуралье (Б. Н. Граков, Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда, Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 148, рис. 1) и в Европейской части СССР среди находок из курганов на р. Псел (В. А. Ильинская, Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, «Сов. археология», XXVII, 1957, стр. 237, рис. 2, 1).

которые расположены по углам здания и разделены коридором крестообразной планировки, покрытым высоким коробовым сводом. Здание также было разграблено, однако здесь грабители оставили археологам гораздо больше материала. Нами найдено много золотых и серебряных украшений, бус, обломков дерева (видимо — части погребальной постели), небольшой черешчатый трехлопастный железный наконечник стрелы и много остеологического материала. Но самым интересным

Рис. 9. Купольный мавзолей Баланды 2. Снимок с самолета

является, конечно, внутренняя архитектура здания. Особенно эффектной одна из погребальных камер, так называемая «красная комната», пол и кирпичные вымостки (суфы) которой, где, видимо, лежали покойники, облицованы плитами из обожженной глины, покрытыми красным, черным и белым ангобом, образующим шахматный узор. Известная аналогия отделки этой комнаты встречается в погребальных сооружениях сарматской эпохи северного Причерноморья³².

Видимо, близким по времени к Бабиш-мулла 2 является круглый купольный мавзолей Баланды 2, имеющий диаметр около 16 м при сохранившейся высоте 4,5 м (рис. 9 и 10). В центре его расположен круглый зал диаметром 5,5 м, перекрытый ложным куполом, верхняя часть которого не сохранилась. Купольный зал окружен кольцом из семи узких помещений, перекрытых коробовыми сводами очень своеобразной конструкции, соединенных между собой арочными проходами. Вход в мавзолей расположен с южной стороны и оформлен также в виде арки. Внешняя поверхность стены решена в виде 25-гранника с расположенными на стыке каждой двух граней треугольными выступами.

Сейчас остается неясным вопрос о замковой части купола. Характер кривой заставляет предполагать, что верх купола, если в центре

³² См., например, М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1913—1914, альбом, табл. LXXV, 1—3, LXXXII, 3, 4, а также склеп № 9 из раскопок Неаполя Скифского в экспозиции Симферопольского историко-краеведческого музея.

его не имелось отверстия, был сведен в виде настоящего купола. Если подтвердится это предположение, то купол Баланды 2 будет первым историческим примером такого типа сооружений. Как мы знаем, археологические памятники подобного типа до сих пор известны были лишь в Риме второй половины I в. до н. э., на рубеже поздней республики и ранней империи. Первое описание настоящего купола мы встречаем у Витрувия, жившего в то время³³. Встает вопрос о происхождении

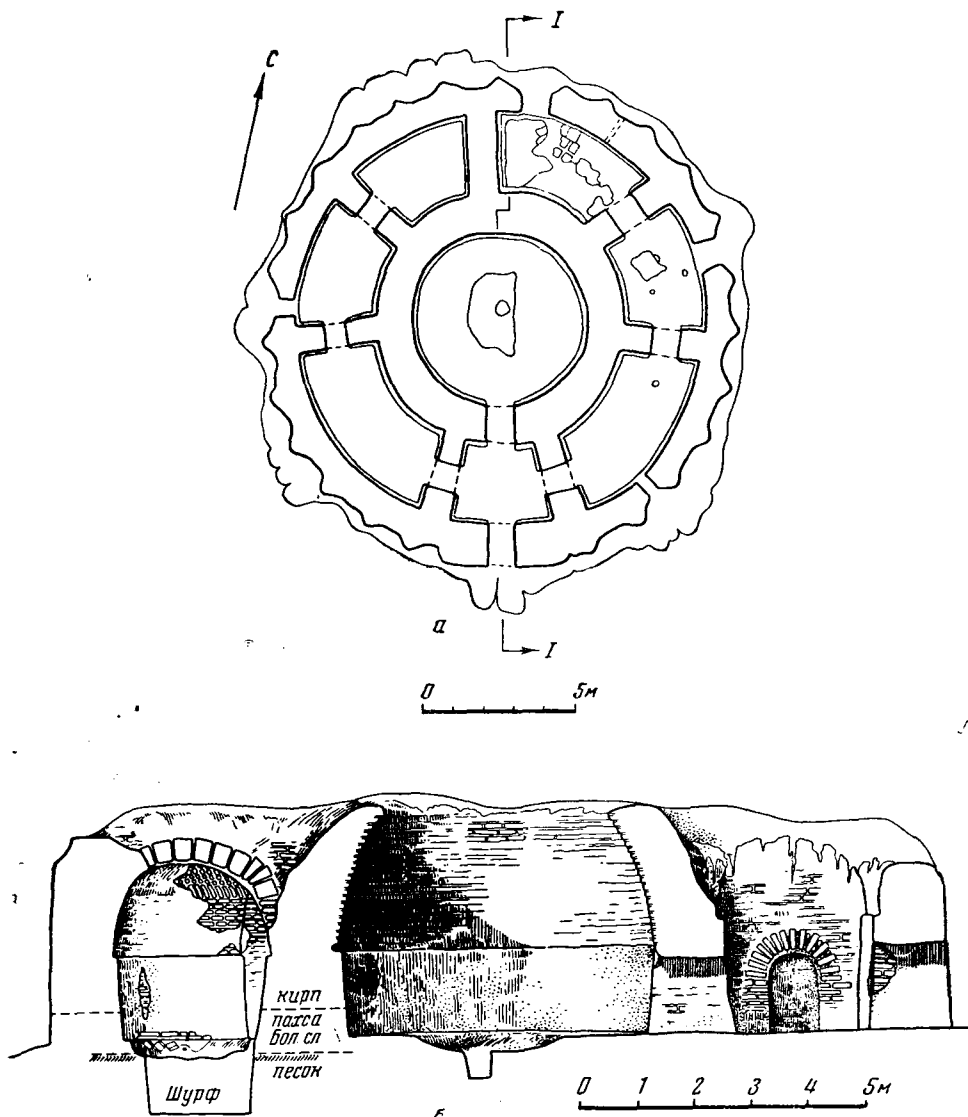

Рис. 10. Купольный мавзолей Баланды 2: а — план; б — разрез

этой, не имеющей никаких корней в предшествующей культуре классического Средиземноморья архитектурной формы. Правда, в архаической Греции и в других районах Средиземноморья того же времени имеются погребальные сооружения, перекрытые ложным куполом (достаточно упомянуть знаменитую гробницу в Микенах), однако в даль-

³³ Витрувий, Об архитектуре, Десять книг, пер., ред. и введ. А. В. Мишулина, Л., 1936, кн. IV, гл. VIII.

нейшем развитии классической архитектуры Средиземноморья эта форма исчезает бесследно, и ее появление в позднем Риме требует своего объяснения. В этой связи я позволю себе выдвинуть гипотезу, которая представляется мне весьма правдоподобной. Рим мог заимствовать эту архитектурную форму из Парфии, с которой он находился не только в военных отношениях, о чем больше говорят источники, но и в тесных культурных взаимоотношениях. Весьма вероятно, что первоначально куполом был перекрыт круглый зал дворца парфянских царей, раскопанный экспедицией М. Е. Массона на городище Ниса и датируемый I—II в. н. э.³⁴ Парфяне же в свою очередь могли заимствовать эту форму у скифских племен Средней Азии, к которым некогда принадлежали и их предки и у которых, если верно наше первое предположение, эта форма относится к гораздо более раннему времени — IV в. до н. э.

Как бы ни решился этот вопрос, бесспорным остается, что купол из сырцового кирпича появляется в Хорезме лишь в раннем средневековье; там ложные купола в различных формах богато представлены в замках VII—VIII вв. — Кум-баскан-кала, Беркут-кала, замок № 36 и др.³⁵ Имеются все основания предполагать, что в раннесредневековом Хорезме это один из тех вкладов, внесенных степными племенами, на которые мы указывали выше и без учета которых нельзя понять происхождение раннесредневековой афригидской культуры домусульманского Хорезма. Надо при этом вспомнить, что купольные гробницы характерны для степных племен на протяжении всего средневековья и доживают у них почти до наших дней. Имеются все основания предполагать, что эта форма, имитирующая формы древнего переносного жилища степняков, и зародилась здесь в центре степного мира.

Третьим по времени апасиакским погребальным сооружением является упомянутое выше цилиндрическое здание, включенное в систему поздней оборонительной стены городища Чирик-рабата и датируемое концом IV в. до н. э. (рис. 11). Его диаметр 32 м, сохранившаяся высота 7,5 м; оно представляет собой сплошной массив из сырцового кирпича на глиняном растворе, внутри которого заключены четыре сообщающиеся между собой камеры, размером в среднем около 5,9 × 5,9 м каждая.

Стены камер были покрыты мощным двойным слоем глиняной обмазки общей толщиной около 20 см, держащейся на каркасе из вертикальных бревен и наклонных жердей, видимо, представлявшем имитацию каркасной глиняной постройки, широко распространенной в Средней Азии вплоть до нашего времени.

Несомненно (об этом говорят остатки каркасных построек в нижнем горизонте Кюзели-гыра, относящиеся к несколько более раннему времени), возникновение каркасных построек намного предшествует созданию цилиндрического здания. Несмотря на то, что это здание Чирик-рабата также было разграблено еще в древности, толстая глиняная обмазка способствовала сохранению многих сопровождавших покойника вещей. Дело в том, что к моменту ограбления значительная часть внутреннего, более тонкого слоя обмазки обрушилась и накрыла часть погребального инвентаря, не обнаруженную поэтому грабителями. Сохранившиеся под слоем обрушившейся обмазки вместе с вещами остатки мелких обломков обгоревших человеческих костей, так же как и следы горения в самих камерах, позволяют предположить, что здесь мы сталкиваемся с

³⁴ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана по рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 100—108.

³⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 145—148; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 198; В. Л. Воронина, Строительная техника Хорезма, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 98—99

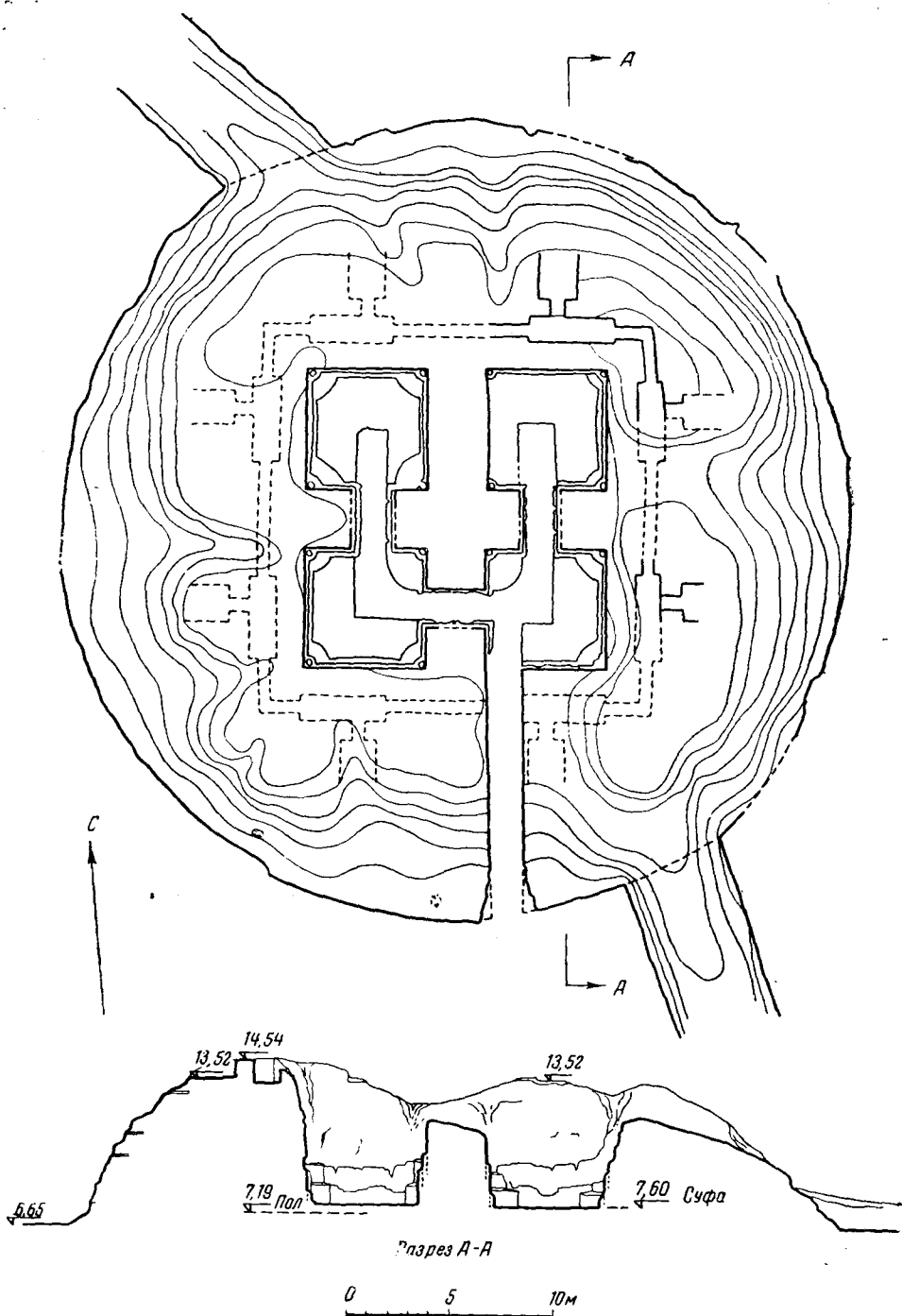

Рис. 11. Чирик-рабат. Круглое погребальное здание. План и разрез

иным обрядом, чем в описанных выше памятниках, — с обрядом трупопосожжения.

Мы не будем здесь за недостатком места останавливаться на характеристике богатой коллекции золотых и серебряных украшений, наконечников бронзовых и железных стрел и др., которые, помимо своего об-

щего научного значения, дали нам возможность точно датировать памятник концом IV в. до н. э. Отметим лишь наиболее интересную находку — значительные фрагменты железного военного доспеха, позволившие нам почти полностью реконструировать доспех апасиакского воина этой эпохи: в нем сочетались принципы чешуйчатого и пластинчатого

Рис. 12. Вооружение апасиакского воина: *а, б* — детали пластинчатого доспеха (Чирик-рабат, круглое погребальное здание); *в* — железный меч (Чирик-рабат, курган № 1); *з* — вариант реконструкции доспеха; *д* — парфянский катафрактарий (рисунок из «Дура-Европос»); *е* — фрагмент статуи кушанского царя Канишки (музей в Матуре); *ж* — кушанский царь Васудева (с изображения на монете)

чатого доспеха, покрывавшего все тело воина и позволявшего ему свободно маневрировать в бою, несмотря на массивность брони, в каждой точке которой оружие врага натывалось одновременно на не менее чем две-три находящиеся друг на друга чешуи и пластины, составлявшие доспех (рис. 12).

Большой интерес представляет то, что наш чирик-рабатский катафрактарий жил во время похода Александра Македонского в Среднюю Азию. Именно о его современнике, а может быть и о его соплемен-

нике, если не о нем самом, рассказывает Арриан при описании битвы Александра со скифами на берегу Яксарта, особо подчеркивая (как, видимо, важный и поразивший греков эпизод), что выпущенный стрелометной машиной македонян дротик пробил броню одного из скифских катафрактариев и сбросил его с коня³⁶.

Это наиболее древняя находка доспеха катафрактария. К гораздо более позднему времени относятся фрагменты доспеха роксоланских катафрактариев в погребальных сооружениях северного Причерноморья и следы изображения аналогичного доспеха на сакских монетах юга Средней Азии и северной Индии и на монетах кушанских императоров; среди них особо надо отметить изображение царя на одной из групп монет Васудевы (II в. н. э.), доспех которого особенно напоминает броню чирик-рабатского катафрактария³⁷.

Первые свидетельства античных источников о массовом появлении сакско-парфянских и роксоланских катафрактариев относятся только к I в. до н. э. К этому и более позднему времени относится и появление изображений такого рода всадников в Пантикапее и Дура-Европос. Массовое появление катафрактариев и примененная ими тактика в битве при Каррах были причинами поражения и гибели Красса. Для римлян эти пришедшие из глубин Азии формы военного искусства были совершенно неожиданными — уроки поражения Александра на берегах Яксарта были уже к этому времени прочно забыты. Только позднее Антоний, учтя трагический опыт Красса, сумел победить роксоланских катафрактариев, уже дошедших до Мизии. В нашей книге «Древний Хорезм», в главе «Конница Кангюя», базируясь на ограниченном материале, имевшемся тогда в нашем распоряжении, мы выдвинули гипотезу о происхождении доспеха и тактики катафрактария где-то в области контакта населения Хорезмского оазиса и сакско-массагетской степи³⁸. Сейчас эта гипотеза получает прочное обоснование и хронологическую дату. Позднеантичный (Топрак-кала) и раннесредневековый хорезмский доспех, как и доспех домусульманского Согда, несомненно генетически восходят к доспеху апасиакского катафрактария. И мы вправе поставить вопрос — не сыграло ли население этой области через ряд посредствующих звеньев значительную роль в сложении типа вооружения средневекового европейского рыцарства?

* * *

Для понимания более поздних памятников апасиакского погребального культа, как, впрочем, и для полного понимания ритуала погребения с обрядом трупосожжения, выявленного при раскопках цилиндрического здания Чирик-рабата, мы должны обратиться к другому кругу памятников, впервые открытому нами в 1959 г. и принадлежавшему, несомненно, сакскому племени, сильно отличавшемуся от апасиаков. Дело в том, что в указанном году нами были обнаружены погребальные сооружения совсем иного характера и целый ряд неразрывно связанных с ними поселений: это так называемые «шлаковые курганы», датируемые VI—V вв. до н. э., — курганы, опоясанные у основания кольцом крупных глыб гончарного шлага, явно изготовленного специально для этой цели. Внутри этого кольца обнаружены следы трупосожжения. Добытый при рекогносцировочных раскопках и собранный на соседних с курганами поселениях материал позволяет охарактеризовать культуру создателей «шлаковых курганов» как резко отличную от апасиакской. Хотя и курганы и поселения датируются более ранним временем, чем

³⁶ Арриан, IV, 4.

³⁷ См., например, E. J. Rapson, *Indian coins*, Strassburg, 1898, табл. II.

³⁸ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 211—227.

большинство апасиакских памятников, здесь полностью отсутствуют чрезвычайно характерные для апасиакских поселений орудия из кварцита, столь же распространенные в более ранних поселениях кокча-тенгизской культуры, датируемой VII—VI вв. до н. э. и несомненно продолжающей традиции бронзового века. Совершенно иными оказываются и формы лепных сосудов (рис. 13).

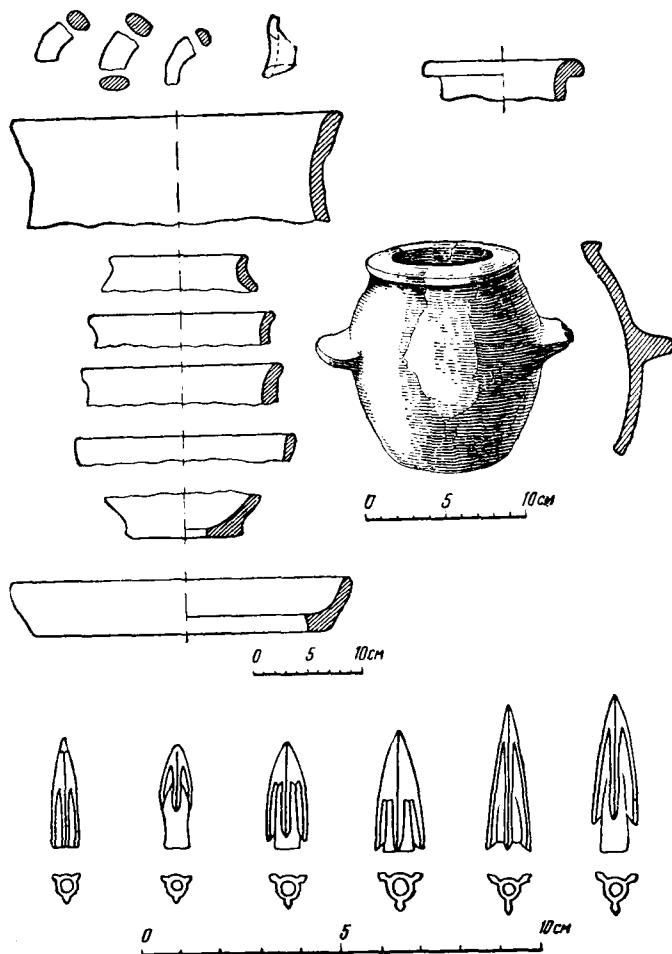

Рис. 13. Керамика и наконечники стрел сакараваков («шлаковые курганы»)

Наиболее крупным памятником культуры «шлаковых курганов» оказался известный нам уже с 1946 г., но не понятый нами в то время величественный памятник, расположенный неподалеку (18 км) к юго-востоку от Чирик-рабата,—Сенгир-там, увенчивающий бугор того же названия (рис. 14). Это огромный, диаметром около 34 м (обычный диаметр «шлаковых курганов» — 8—10 м) курган, окруженный стеной из сырцового кирпича высотой около 3 м. В окрестностях его расположено несколько прямоугольных оград-валов; такие ограды-валы обычно сопровождают также и апасиакские курганы (по предварительному предположению, именно такой прямоугольной ритуальной оградой является отмеченная выше стена, угол которой открыт в стратиграфическом раскопе 1959 г. на цитадели Чирик-Рабата). Сенгир-там, так же как и другие «шлаковые курганы», расположен на одной из древних старниц Инкар-Дарьи.

Большой интерес представляет вопрос об этнической принадлежности носителей культуры «шлаковых курганов». Дело в том, что мы знаем сейчас территорию расселения и характер культуры не только апасиаков (пасианы, пасники других, более поздних античных источников), но и других сакских племен, упоминаемых Птолемеем при описании нижнего течения Сыр-Дарьи и игравших важную роль в движении сакков на юг в Бактрию, на восточные окраины Парфянской империи и далее в Индию, в связи с чем они упоминаются Трогом Помпеем и другими античными авторами³⁹.

Рис. 14. «Шлаковый курган» Сенгир-там 1. Снимок с самолета

Нашей экспедицией уже исследованы в 1946—1951 гг. памятники заселявших бассейн пра-Куван-Дарьи, дахов — тохаров, сильно отличающиеся как от апасиацких, так и от памятников культуры «шлаковых курганов»⁴⁰. Культура тохаров продолжалась и выше по Сыр-Дарье, где одним из ее памятников является городище Каунчи-тепе близ Ташкента. В районе низовьев современной Сыр-Дарьи, и, видимо, южнее вдоль восточного берега Аральского моря, было расселено племя аугасиев (в искаженной передаче некоторых античных авторов — аугалов), наиболее прочно сохранявших в своих керамических изделиях вплоть до раннего средневековья традиции бронзового века Приаралья⁴¹.

Наконец, к востоку и северо-востоку от нижнего и частично среднего течения Сыр-Дарьи, в бассейне Или и Чу, вплоть до Тянь-Шаньских гор находилась обширная область культуры ассиев, или ассианов античных авторов, усуней древнекитайской литературы⁴².

³⁹ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, экскурс 1; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 140—143; его же, Огузы, печенеги, море Даукара, стр. 51—54.

⁴⁰ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 137—140; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1945—1948 гг., стр. 16; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 236.

⁴¹ С. П. Толстов, Города гузов, «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 57—71.

⁴² Ошибочным является разделение памятников очерченной выше территории на сакские и усуньские; на деле это памятники одного и того же народа, только относящиеся к разным периодам. См. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, стр. 162—179; А. Н. Берн-

По всем данным⁴³, самым южным из принимавших участие в движении сакских племен на юг было племя сакараваков (искаженная форма сакаравлы) — имя, восходящее к «сака хаумаварга» древнеперсидских надписей; в некоторых из них, видимо, то же племя выступает под именем «сака пара Сугдам» — «скифы за Согдом». Имеются все основания предполагать, что культура «шлаковых курганов» принадлежит именно сакаравакам.

Мы, по-видимому, знаем пока только крайнюю северную периферию сакаравакской территории. Основную массу сакаравакских памятников надо искать южнее, в центральных и южных Кызыл-кумах и в области Нуратинских гор, в непосредственном соседстве с Согдом. В пользу этого говорит и своеобразный, более высокий уровень культуры сакараваков раннего периода по сравнению с апасиаками, что трудно объяснить без предположения о длительном и непосредственном контакте их с населением Зеравшанского оазиса. Большое значение в связи с этим имеет открытие могильника на возвышенности Тагискен, на берегу одного из южных притоков Жаны-Дарьи — Инкар-Дарьи. Могильник датируется IX—VII вв. до н. э. Покойников здесь сжигали в великолепных погребальных сооружениях, сложенных из прямоугольного сырцового кирпича, вместе с сопровождающим их погребальным инвентарем — многочисленными сосудами, часть которых сделана уже на гончарном круге, бронзовыми двуперыми втульчатыми наконечниками стрел, бронзовыми ножами, шильями, украшениями из бронзы, золота и кости.

Отличительной особенностью инкар-дарьинской культуры является сочетание в ней двух элементов. С одной стороны, в ней проявляются традиции, уводящие нас в эпоху бронзы, в круг андроновской, а затем дындыбаевско-бегазинской культур Казахстана, с другой стороны, перед нами культура, связанная своими корнями с высокой цивилизацией, о чем свидетельствуют великолепные сосуды, сделанные на гончарном круге, и применение в строительстве сырцового кирпича.

Таким образом, мы можем предположить, что тагискенские курганы — самый ранний из известных нам сакаравакских памятников, в материалах которого еще сохраняются, и довольно сильно, черты культуры степной бронзы, подвергшейся сильному влиянию высокой цивилизации более южных районов. Обряд трупосожжения, характерный для ранних сакаравакских курганов, как и обряд ингумации, типичный для синхронных и частично более поздних памятников апасиаков (ингумация в специфической форме характерна также для тохаров и атсианов), имеют в исследуемой области глубокие исторические корни.

Нам известно, что для тазабатгабской культуры бронзового века, характерной для западной части исследуемой территории, был типичен обряд ингумации, хорошо изученный нами в результате раскопок позднебронзового могильника Кокча 3⁴⁴. Наоборот, как мы уже говорили, для инкар-дарьинской культуры был характерен обряд кремации. Эти две самостоятельные традиции несомненно продолжают до середины I тысячелетия до н. э., но, видимо, в IV в. до н. э. начинается процесс взаимопроникновения различных элементов культуры апасиаков и са-

шт а м, Археологический очерк северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 24—54; е го же, Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, № 14, 1950; е го же, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26, 1952; К. А. Акишев, Памятники старины северного Казахстана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, и др. работы.

⁴³ См., например, W. W. Тагп, Указ. раб., стр. 291 и др.

⁴⁴ См. С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. «Сов. востоковедение», 1955, № 5; см. также «Низовья Аму-Дарьи. Сарыкамыш. Узбой». «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960.

караваков. По-видимому, в области материальной культуры возобладали апасиакские элементы. В непосредственном соседстве с поселениями культуры «шлаковых курганов» появляются поселения, видимо, оставленные тем же народом, но дающие характерную для Бабиш-муллы и других памятников апасиакской культуры этого времени керамику и кварцитовые орудия. Напротив, в области погребального обряда и, вероятно, вообще в области духовной культуры преобладание получили сакаравакские традиции. Первым несомненно апасиакским памятником, сочетающим характерные черты других апасиакских погребальных сооружений IV в. до н. э., в которых еще продолжают традиции обряда ингумации с чисто сакаравакским обрядом кремации, является цилиндрическое здание Чирик-рабата. Характерные для более позднего времени и распространенные повсеместно на апасиакской территории погребальные сооружения, носящие условное название «крестовин», являются коллективными памятниками трупосожжения. Это круглые здания с высоким глинобитным цоколем, увенчанным кольцевой стеной из сырцового кирпича и разделенным двумя перекрещивающимися стенами (это тоже апасиакская традиция) на четыре открытые сверху камеры, в которых, вероятно, и производилось трупосожжение. В этих камерах обряд совершался неоднократно, каждая из них содержит значительное количество черепов и костей.

* * *

Наша статья была бы не полной, если бы мы кратко не остановились на результатах исследования краниологических материалов из наших раскопок, сделанного Т. А. Трофимовой. Наиболее существенным является впервые установленный для этого района факт проникновения уже не позднее IV в. до н. э. в преобладающий тип населения, близкий к антропологическому типу носителей андроновской культуры бронзового века, монголоидных элементов, причем не носящих еще признаков смешения с европеоидами. Это заставляет предполагать наличие где-то в не очень удаленном, во всяком случае доступном для мирных сношений и военных набегов районе значительных массивов монголоидного населения. Позволительно спросить, не аргипси ли это Геродота, жившие, согласно этому автору, в непосредственном соседстве с исседонами, которых большинство советских исследователей отождествляет с усунями-ассианами? Напомним, что описания аргиппеев Геродота не оставляют сомнения в монголоидности их антропологического типа⁴⁵.

Таким образом, процесс постепенного внедрения монголоидного элемента в среду восточноиранских еще по языку народов Средней Азии может быть отнесен к значительно более раннему времени, чем это предполагалось прежде.

* * *

Как мы указывали выше, в середине II в. до н. э. жизнь на апасиакских и сакаравакских поселениях исследуемого района прекращается. Вряд ли случайным является совпадение этой даты со временем начала наступательного движения сакских племен на юг против Греко-Бактрийского царства — движения, завершившегося крушением власти потомков греко-македонских завоевателей и широким проникновением сакских племен на юг в Бактрию, Сеистан и далее в северную Индию. Какая-то часть апасиакско-сакаравакских племен проникает в этот период также и на территорию Хорезма; об этом свидетельствуют не только известная «варваризация» керамики позднекангуйского перио-

⁴⁵ Геродот, IV, 23.

да, начинающегося как раз в середине II в. до н. э. (что подтверждается данными радиоуглеродного анализа), и появление в позднекангюйском слое Кой-Крылган-калы керамики, несомненно бытовавшей у степных племен и принесенной сюда ими⁴⁶; об этом говорит и появление на юго-западных окраинах Хорезмского оазиса, может быть, восходящих к еще более раннему времени поселений, созданных, по всей видимости, самими апасиаками. Я имею в виду в частности и в особенности городище Шах-Сенем, первоначальная планировка которого близко напоминает описанные нами выше апасиацкие городки и, что особенно важно, в непосредственном соседстве с которым, как раз на расстоянии, на каком обычно располагаются могильные склепы апасиацких вождей, находятся развалины крестообразного здания античной эпохи, послужившего в XII в. стилобатом центрального павильона садово-паркового комплекса одного из поместий хорезмшаха⁴⁷.

Исследование сакских племен Средней Азии ведется уже давно. Но оно ограничивалось до недавнего времени изучением памятников гораздо более отдаленной периферии древних культурных центров Средней Азии, сыгравших в мировой истории такую значительную роль. Это были преимущественно слабо связанные с этими центрами племена восточных гор и северных равнин, заселенных главным образом редким скотоводческим населением. О них почти ничего не знали ни античные авторы, ни создатели персидских надписей, да и сами они принимали относительно слабое участие в тех бурных событиях, которым посвящены дошедшие до нас письменные документы.

Сейчас мы получили возможность познакомиться с сердцем среднеазиатской Скифии (если не Скифии вообще) — страной, во много раз гуще заселенной, чем указанные выше периферические области, заселенной народом, с которым отнюдь не вяжется традиционное, давно уже изжившее себя, однако все еще не уходящее из науки представление о «кочевниках». Это был народ не только скотоводов, но в первую очередь ирригаторов, ремесленников и градостроителей, народ, живший прочным оседлым бытом, сочетавшимся, однако, с кочевым бытом пастухов и с легкой подвижностью всего населения в случае, если этого требовала необходимость. Эта подвижность выработалась веками и определялась прежде всего характером самого ирригационного земледелия этих районов, районов дельты, русло которой часто меняет свое направление, вынуждая земледельцев покидать свои поля и насиженные места обитания и искать новых мест, чтобы строить новые каналы и создавать новые деревни и города⁴⁸. Так сложилась та обширная культурная область двух смыкающихся дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, область, известная в иранской литературной традиции под именем Кангха, — Кангюй более поздних китайских авторов⁴⁹.

⁴⁶ См. подробно об этом: М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода, стр. 124—144. О радиоуглеродном анализе см. А. П. Виноградов, А. Л. Девирц, Э. И. Добкина, Н. Г. Маркова, М. Г. Мартищенко, Определение абсолютного возраста по ¹⁴C. Сообщение 2, «Геохимия», 1959, № 8, стр. 667.

⁴⁷ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 220; его же. Огузы, печенеги, море Даукара, стр. 51; Ю. А. Рапполорт, Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 400.

⁴⁸ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 55—102; Т. А. Жданко, Патриархально-феодалные отношения у полуседлого населения Средней Азии, «Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте», Ташкент, 1958, стр. 628—638; ее же, Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии, «Сов. этнография», 1961, № 2.

⁴⁹ По вопросу о Кангхе — Кангюй и ее связи с Хорезмом см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 20—26; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 145 и сл.; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 72—73.

Хорезм был только частью этой обширной области, правда, частью двинувшейся в своем развитии далеко вперед, ставшей политическим гегемоном всей Кангхи и оказавшей в период расцвета своей классической культуры мощное воздействие на ее степные племена.

Движение саков на юг не было вызвано стихийными причинами или перенаселением; оно определялось глубокоим политическим кризисом государства греко-македонских завоевателей и стремлением масс населения возглавляемого ими государства получить помощь в своей борьбе против них от близкородственных этому населению и на протяжении веков тесно связанных с ними северных племен. Далекое не все население исследуемого района ушло в поход на юг. Если большинство апасиаков и сакараваков действительно переменяло места своих поселений, перенеся их далеко на юг, то тохары, аугасии и ассианы лишь частично приняли участие в этом движении. Историко-археологическое изучение этих народов показывает, что на местах их древнего расселения жизнь не прерывалась на протяжении всего периода античности и раннего средневековья. Да и апасиаки, слившиеся с сакараваками, не ушли полностью из бассейна Жаны-Дарьи. Правда, их численность сократилась настолько, что они не могли здесь поддерживать свое ирригационное хозяйство. Видимо, с этим связан поворот вод Жаны-Дарьи по новым, более северным руслам — река ушла из-под контроля человека. Оставшиеся апасиаки вынуждены были перейти к кочевому скотоводческому образу жизни, о чем свидетельствуют материалы периода последнего запустения Бабиш-муллы и результаты исследования поздних апасиацких стоянок в окружающих Жаны-Дарью песках. Часть апасиаков создала новые поселения на крайнем западном участке Жаны-Дарьи, в месте ее стыка с Акча-Дарьей, где мы смогли исследовать памятники позднеапасиацкой культуры IV—V вв. н. э. — комплекс Барак-там⁵⁰.

Мы не можем остановиться здесь на позднем этапе истории исследуемых нами племен. Отметим лишь, что в конце античности и в раннем средневековье их культура подвергается все большему влиянию восточных, сперва гуннских, а потом тюркских элементов, но мы можем твердо сказать, что это было не массовое переселение, не завоевательная волна кочевников. Это был постепенный медленный процесс, начавшийся, как мы видели, еще не позднее середины I тысячелетия до н. э. В результате этого процесса в раннем средневековье, после арабского завоевания и исламизации Средней Азии, на месте центра территории аугасиев образовался один из важнейших центров уже тюркских по языку огузских племен; столица их Янгикент возникла на месте наиболее крупного города аугасиев, нижние слои которого восходят еще к бронзовому веку⁵¹. Результаты изучения нашей экспедицией в 1959—1960 гг. обширного района огузских сельских поселений на верхней Инкар-Дарье (рис. 15) с большой убедительностью подтверждают неоднократно высказывавшиеся нами положения о полuosедлом быте и своеобразном комплексном хозяйстве этого народа, о распространении у него наряду со скотоводством поливного земледелия.

На месте апасиаков появляется также уже тюркское племя печенегов, имя которых, как мы показали в одной из наших работ, восходит через ряд переходных форм к имени апасиаков⁵². Имя тохаров продол-

⁵⁰ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1945 г. ИАН СИФ, 1946, т. 3, № 1, стр. 83—86; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 21, 53 и др.; М. А. Орлов, Барак-там, Труды Хорезмской экспедиции, т. 1, стр. 135—152; Е. Е. Неразик и М. С. Лапиров-Скобло, Раскопки Барак-там I в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, стр. 81—95.

⁵¹ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 68—71.

⁵² С. П. Толстов, Огузы, печенеги, море Даукара, стр. 49—52.

жает жить в имени одного из главных огузских племен дюкер⁵³, и, наконец, имя ассианов — усуней с очень незначительным изменением его формы продолжает до сих пор жить в качестве имени одного из важ-

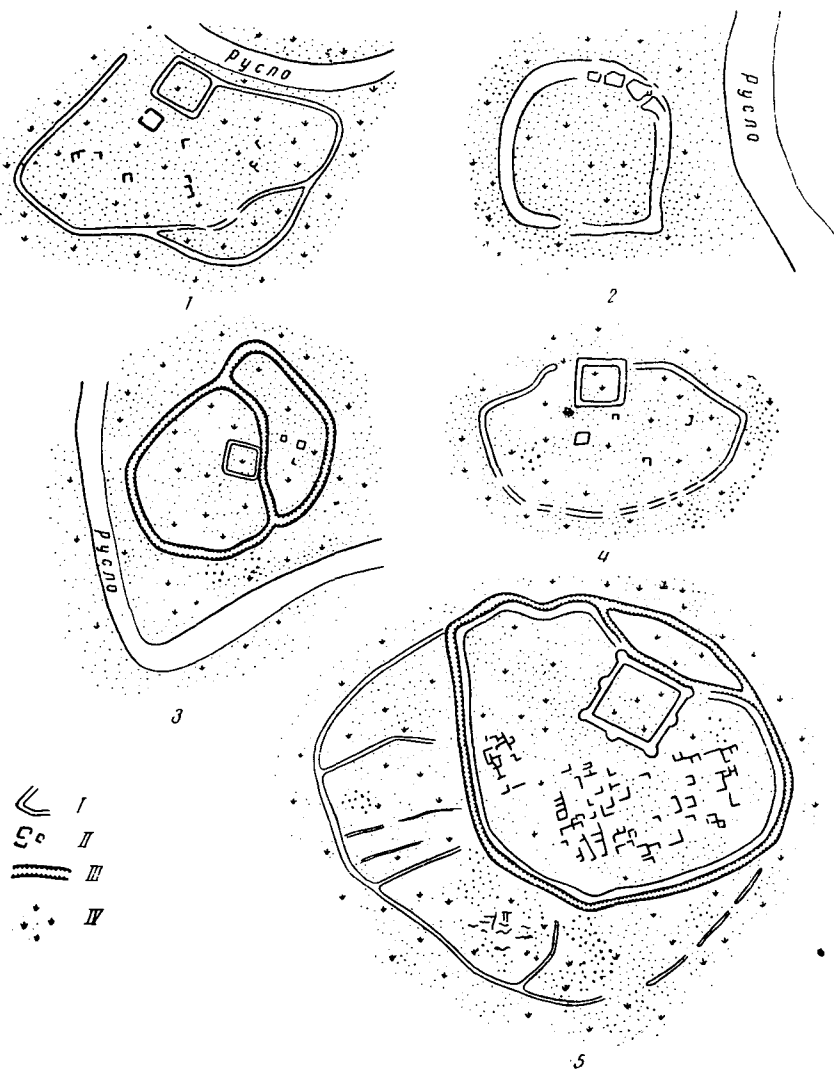

Рис. 15. Раннесредневековые тюркские поселения на верхнем течении Инкар-Дарья: I — стена; II — следы планировок; III — ров; IV — растительность; I—4 — укрепленные усадьбы, расположенные на берегах Инкар-Дарья; 5 — крепость Зангар-кала

нейших подразделений Старшего жуза казахов. Имя самой страны Кангха выступает в средневековье в качестве имени большого союза при-сырдарьинских тюркских племен — канглы (более ранняя форма названия печенежского племени кангар). Это имя также продолжает жить до сих пор в качестве имени крупного племенного подразделения в составе узбекского и каракалпакского народов⁵⁴.

Так скифы восточного Приаралья, сыграв крупную роль в событиях мировой истории, происходивших в древности на территории всего

⁵³ С. П. Толстов, Огузы, печенеги, море Даукара, стр. 82.

⁵⁴ По вопросу о связях Кангха — Канга — Канглы см. С. П. Толстов, Говола гузов: его же, Древний Хорезм, стр. 24.

Среднего Востока, включая и Индию, оставили свой осязаемый след в культуре своих непосредственных наследников — народов Средней Азии, в первую очередь обитателей Приаралья — узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов.

Оставленные предками этих народов на обширной территории древней дельты Сыр-Дарьи многочисленные памятники ирригации и земледелия, занимающие в целом площадь около 2,5 млн. га, составляют один из важных элементов их культурного наследства. Факт трехкратного освоения земель древней дельты на длительные сроки за последние два с половиной тысячелетия убедительно свидетельствует о том, что природный фактор не сыграл сколько-нибудь существенной роли в запустении этих земель, которое было обусловлено прежде всего социальными-историческими причинами. Поэтому имеются все основания считать, что при современных технических средствах новое освоение этого огромного массива земель древнего орошения и развитие здесь комплексного многоотраслевого сельского хозяйства не представит сложности и сможет дать государству большой народнохозяйственный эффект без крупных затрат на капитальное строительство дорогостоящих гидротехнических сооружений.

SUMMARY

The Khwarizm Archeological and Ethnographical Expedition, launched in 1937 and headed by the author of the present article, has investigated a wide range of problems pertaining to the history of Central Asia. At present investigations are conducted in the ancient delta of the Syr Darya, where numerous relics of prehistoric, ancient, medieval and modern times have been discovered, including remnants of irrigation systems and of fields that once had been cultivated. The formerly irrigated lands in the Syr Darya delta cover the vast area of 2.5—2.8 million hectares.

In the period of classical antiquity (from the middle of the 1st millennium B. C. to the middle of the 1st millennium A. D.) this area was populated by large Scythian tribes, whose culture is studied by the Expedition in the light of archaeological findings. Along the large delta channel, (today the dry channel of Zhany Darya) there stood the walled cities, villages and majestic mausoleums of the Apasiaks. Northeast of these tribes, along the ancient channel of Kuva Darya, there lived the Tocharians. The Aral Sea shore in the vicinity of present-day Kazalinsk was inhabited by Augassian tribes. The southernmost of the Scythian tribes of the Aral Sea area were apparently the Sakaravaks, whose settlements and burial mounds were discovered by the Expedition in 1959.

All these steppeland tribes on the margins of the ancient state of Khwarizm were semi-settled; along with raising cattle (mostly large cattle), they engaged in irrigated farming, cultivating millet, barley and other crops. Of great interest is the architecture of these tribes, which knew such original architectural devices as domed ceilings long before the appearance of the cupola in the agricultural areas of Central Asia.

It has been established that not only in the period of antiquity but also in the later epochs, up to the beginning of the 19th century, the now deserted lands of the Syr Darya delta were at different times irrigated and brought under the plough, with settled and semi-settled populations appearing on the site.

The findings obtained by the Expedition testify to the possibility of opening up the deserted delta lands in our time and setting up mixed farming there that would combine the cultivation of cereal and fodder crops traditionally grown in these parts, with intensive cattle breeding. Bringing under the plough the once irrigated lands of the Syr Darya delta may prove of tremendous economic advantage to the Soviet state, without calling for large outlay of capital.